

Проклятие Гийома Завоевателя

Бушмин Виктор

Виктор Бушмин

Проклятие Гийома Завоевателя

«Автор»

2023

Бушмин В. В.

Проклятие Гийома Завоевателя / В. В. Бушмин — «Автор», 2023

Древнее пророчество привело на Престол Англии потомков Великого Бастарда. Но смогут ли они сохранить династию? Череда убийств, интриг и загадок, некоторые из которых не раскрыты по настоящее время. Это не фантастика и не "Игры Престолов"! Это - настоящая история без прикрас.

© Бушмин В. В., 2023

© Автор, 2023

Виктор Бушмин

Проклятие Гийома Завоевателя

Вступление.

Судьба сберегла молодого рыцаря Годфруа де Леви от смерти, проведя по лезвию кинжала. Франция на небольшое мгновение в своей истории могла спокойно вздохнуть, ее королям не угрожала больше угроза с севера. Но, угрозы для еще неокрепшей монархии Гуго Капета представляли многочисленные независимые сеньоры – внутренние враги короны, способные создать, куда большие, угрозы, чем войны с Англией.

Король Филипп окончательно потерял интерес к делам управления королевством, погрузившись в мир любви к прекрасной **Бертраде де Монфор**, любви огромной и последней, словно лебединая песня. Эта любовь, огромная, всепожирающая и ненасытная, таила сама по себе огромную угрозу и опасность для короны.

Людовик Французский принял бразды правления королевством, пожалуй, в самый трудный и сложный момент истории.

Первые и робкие военные походы принца Людовика всколыхнули все королевство, напугав одних и озлобив других баронов. Враги, словно головы легендарной гидры, множились с каждым месяцем...

Только его воля, непоколебимая решимость и мечи верных друзей смогут побороть врагов и укрепить королевство Франции. Верные помощники принца Людовика, такие как **Сугерий** и Годфруа де Леви, рискуя своими жизнями, помогали первым Капетингам создавать могучее и грозное королевство Франции.

Сугерий стал отцом-основателем тайной службы короля, став у истоков ее зарождения.

Годфруа де Леви, который раньше был крепостным принца, получил меч и шпоры из рук короля Филиппа. С этого момента и до своего последнего вздоха он будет верно служить Франции.

Наступал двенадцатый век после Рождества Христова. Иерусалим был уже взят, в Палестине стали образовываться государства крестоносцев. Рыцари Креста возвращались домой после тяжелого, опасного и искупительного паломничества смыв с себя прежние грехи и открытые для новых, куда более, страшных и жутких грехов...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Принц Людовик, или как рыцарь Годфруа де Леви спас похищенный архив Сугерия и обрел свою любовь.

I ГЛАВА.

Долгая дорога домой.

Река Сена ниже по течению от Парижа. 10 августа 1100 года.

10 августа 1100 года вверх по течению Сены медленно двигалась торговая барка «**братства на воде**», доверху нагруженная английской шерстью и другими товарами. Большую часть пути она прошла на веслах, но, по мере приближения к Парижу, ветер стал попутным. Он наполнил паруса теплым летним порывом, и теперь торговая барка, весело рассекая своим носом волны реки, неслась, словно на крыльях, к Парижу.

На корме барки сидел молодой рыжеволосый рыцарь двадцати лет от роду. Его лицо, изуродованное шрамом, тянувшимся ото лба к подбородку через щеку, оживлял живой взгляд голубых глаз, резко контрастирующих с его суровой и грустной внешностью. Рыцарь опустил голову на грудь, лишь изредка поднимая ее, чтобы посмотреть, не приближается ли Париж.

Он был в кольчуге, скрытой ярко-желтым сюркотом, на груди которого красовался незащипанный герб его владельца – три черных стропила по золотому полю. Рыцарский пояс был красив, но без излишеств. Только скромные золотые бляхи прямоугольной формы украшали его.

Рыцарь был без шлема. Его шлем был приторочен к седлу коня, который нетерпеливо бил копытами и ржал в трюме барки всю дорогу от Руана до Парижа. Норманнский щит с грубо нарисованным гербом рыцарь также оставил в трюме. С ним был добротный меч в красивых ножнах и кинжал, висящий на поясе. На нем, пожалуй, мы задержим свое внимание. Что-то византийское или, вернее сказать, мусульманское проскальзывало во внешнем виде кинжала: несколько изогнутое лезвие, расширяющееся возле рукояти и сужающееся к острию напоподобие шила, делало его многофункциональным и незаменимым помощником воина. Кинжал мог одинаково служить в бою для добывания противника и в мирное время, помогая своему хозяину нарезать хлеб и мясо.

Команда весело переругивалась на палубе, управляясь с парусами. Охранение барки расположилось на палубе и грелось на солнце, отложив арбалеты и пики в сторону. Речные чайки носились над судном и своими веселыми громкими криками добавляли пестроту прекрасному летнему утру.

Вскоре, за поворотом реки показался Париж. Левый берег Сены, если следовать по течению реки, в те времена был еще мало заселен и практически пустовал, не считая больших виноградников, разбитых на покатых склонах холмов. На двух холмах, которые господствовали над всем правым берегом Сены возле Парижа, расположились два аббатства – Сен-Женевьев, которое было построено на сохранившихся остатках древнеримского форума, оставшегося от города Лютеции, и Сен-Жермен-де-Пре, походившим больше на крепость, чем на аббатство. Оно было окружено каменной стеной, правда, недостаточной высоты для того, чтобы выдержать нормальную осаду, но, и этого было достаточно для безопасности монахов и клириков. Вокруг этого аббатства расположились тесной кучкой домишки горожан, ремесленников и торговцев, которые образовали Бург, подчиненный праву и законам местного епископа Парижа.

– Мессир! Мы почти подъехали! – Крикнул матрос рыцарю.

Рыцарь поднял голову и грустным взглядом посмотрел на расстилавшийся перед ним город.

Правый берег Сены был в те времена более оживленным, расположившись вокруг порта, который вновь стал набирать силу благодаря развитию речной торговли и, что было не менее важным, решительной поддержке короля Филиппа, который своими указами и охранными грамотами поддерживал развитие торговли в своем домене.

На холмах правого берега, прямо над болотистыми низинами, расположились несколько больших монастырей, имевших важное религиозное значение для Франции. Это были монастыри Сен-Жервэ, Сен-Жак и Сен-Жермен-л-Оксерруа, вокруг которых расположились дома жителей, ярмарки, торговые ряды и кузницы.

Сена в районе Парижа изобиловала островами. Самый большой из них, остров Сите, был природным центром города. Два моста соединяли его берега, застроенные домами горожан. Остров Сите был природным укреплением, которое долгое время служило защитой жителям. Воды Сены защищали горожан от набегов, пока король *Шарль Лысый* не начал строить на его берегах каменные укрепления для защиты от визитов непрошенных норманнов-разбойников.

Основная часть горожан жила на острове. Восточная часть острова была чем-то напоподобие религиозного центра. Именно здесь располагался дворец епископа Парижа, вокруг дворца

жили каноники и священники. Дом архидьякона Парижа монсеньора Этьена был построен на развалинах римской башни. Здесь же высилась громада кафедрального собора Сент-Этьенн, который был построен еще в шестом веке и считался, после собора в Трире, вторым по величине собором в землях франков. Собор Нотр-Дам-де-Пари еще не был построен в описываемое мною время.

Западная часть острова Сите была королевским центром. Здесь расположился королевский дворец, построенный еще Каролингами, королевские палаты, обновленные *королем Робером Благочестивым*, служебные постройки.

Средняя часть острова была отдана местным жителям, построившим здесь много домов, таверн и гостиниц, и двум монастырям Сен-Виктор и Сен-Лазар, которым покровительствовал молодой принц Людовик, разрешивший открыть возле их стен ярмарки и торжища...

Барка мягко уткнулась носом в причал, заваленный мешками с речным песком. Матросы поставили трап, по которому рыцарь сошел на берег, где и дождался своего коня и поклажу, выгруженную матросами.

Он сел на коня, поправил вооружение и поехал по мосту к острову, держа направление к его западной части, к королевскому дворцу.

Он проехал заставы, коротко поздоровавшись и представившись начальникам караулов. Его знали многие из них, поэтому пропустили без лишних проволок. Рыцарь подъехал к крыльцу дворца, слез с коня, бросил поводья конюшему и подошел к камергеру, который грелся на солнце, сидя на ступенях королевского дворца.

– Мне надобно срочно видеть короля... – спокойным и уверенным голосом произнес рыцарь.

Молодой камергер вскочил, услужливо поклонился и спросил:

– Ваша милость! Представьтесь, ради Бога, и назовите цель вашего прибытия к Его величеству...

Рыцарь молча снял с головы шлем, поправил рукой немного спутанные рыжие волосы и сказал:

– Я – шевалье Годфруа де Леви! Возвращаюсь из Англии со срочным донесением королю!..

– Ох, простите, мессир! Я не признал вас... – согнул спину камергер, жестом приглашая Годфруа подняться по лестнице во дворец. – Его величество сейчас в комнате совета...

II ГЛАВА.

Большой обман.

Париж. Королевский дворец. 10 августа 1100 года.

Годфруа поднялся по лестнице и вошел в комнату, где должен был находиться король Филипп.

Филипп сидел за небольшим дубовым столом, с явным нежеланием перебирая какие-то пергаменты и документы, которые ему услужливо передавал советник Рено де Вильбеон. Король поднял голову и просмотрел на вошедшего рыцаря. В его глазах на секунду блеснула растерянность, но, Филипп быстро совладал с собой, улыбнулся и сказал, толкая рукой Рено:

– Наконец-то! Наша пташка вернулась в гнездо!..

Рено повернул голову и приветствовал Годфруа дежурной фразой:

– Здравствуйте, шевалье. Как ваши дела?..

Годфруа поклонился, подошел ближе:

– Нормально, ваше величество...

Король нахмурился:

– Что-то ты, сегодня, бледный. Случаем, не заболел?..

Рыцарь кисло отмахнулся:

– Нет, сир. Просто, последние события сильно огорчили меня...

Король отбросил бумаги, посмотрел на советника, потом на рыцаря и сказал:

– Мне уже сообщили эту неприятную новость. Поверь мне, шевалье, что и мы скорбим над душой славного и верного Жана. Видимо, – король встал и развел руками, – такова воля Господа...

Рыцарь сжал руки в кулаки, побелевшие от напряжения:

– Сир. Ваше величество! Мне кажется, нет! Я просто уверен, что мессира Жана убили!..

Король и Рено снова переглянулись между собой:

– Это уже становится интересным! Ну-ка, расскажи все подробнее... – с имитацией озабоченности произнес король.

Годфруа, как мог, рассказал Филиппу о таинственной гибели Жана де Фиенна, не забыл он сказать и о каплях застывшей крови, обнаруженных им на палубе. Все рассказал де Леви, не забыл он упомянуть и о двух загадочных монахах, которые были на судне, но таинственно исчезли сразу же после прибытия в Кале...

Рено побледнел. Филипп нахмурил лоб, взялся рукой за подбородок и стал размышлять:

«Да, Сугерий «лопухнулся»! Уверял меня, что его люди будут «незаметны», но, если даже наш влюбленный рыцарь смог начать подозревать их, тогда...»

Он сделал суровое лицо и сказал:

– Спасибо, шевалье! Ваши сведения очень важны для нас! Скорее всего, это слуги нового короля Генриха попытались убить вас! Понимаешь меня? Если бы вы погибли, никто и никогда не смог бы прижать короля Англии к стенке, сделав его более сговорчивым...

Это была ложь, ложь откровенная, шитая белыми нитками. Но, у короля просто не было возможности сказать правду...

Годфруа стоял, словно каменная статуя. Он мучительно переосмысливал слова, сказанные его королем.

Он поднял голову и ответил:

– Да, сир. Вы совершенно правы! Это очень похоже на правду...

Филипп с облегчением вздохнул, он не подал вида, чтобы не сломать всю сказанную им версию:

– Поверь, рыцарь, мне очень не хотелось подвергать вас опасностям! Но, только так я смог спасти корону для своего сына Людовика...

Годфруа встал на одно колено перед ним:

– Сир, простите, что имел неосторожность подумать плохо...

Филипп погладил его по голове:

– Ничего, это ничего страшного... Я очень рад, что ты вернулся. Людовик уже замучил меня вопросами, где вы, что вы...

– Я буду молчать о том, что было, и где мы были...

– Вот и прекрасно, крестничек! Да! Я уже написал герцогу Гильому письмо... – в довершение разговора соврал король.

Рыцарь вскочил и прижался головой к руке короля:

– Сир! Спасибо! Я просто счастлив!..

Филипп улыбнулся, теперь он был спокоен. Его уловка прошла удачно:

– Правда, крестник мой, придется подождать! Герцог, как назло, сейчас затеял частную войну с Лузиньянами. Они опять претендуют на корону графства Марш. Но, мы подождем. – Он пристально взглянул в глаза рыцаря. – Подождем? Верно?..

– Да, сир! Я буду ждать!..

Филипп повернулся к Рено:

– Где там наш ордонанс о выделении трех замков, владений в лен мессиру Годфруа?

Рено покопался в куче пергаментов, выудил какой-то документ и протянул его королю:

– Вот он, ваше величество!

Филипп мельком взглянул на него, снова улыбнулся:

– Вот, это тебе! Как мы и обещали – наши верные рыцари не остаются забыты!..

Годфруа вложил свои руки в ладони Филиппа. Король посмотрел на него и сказал:

– Принимаю тебя в свои вассалы от замков и владений, кои расположены в нашем графстве Дрё!..

Годфруа ответил:

– Становлюсь твоим вассалом за замки и лены, расположенные в графстве Дрё! Обязуюсь верно, и честно служить тебе, Филипп, король франков и потомкам твоим! Обязуюсь сохранять ценность ленов, не допускать дробления ленов, служить против всех врагов, живых или мертвых, мужчин или женщин, мечом, копьем и советом! Сказано мною, рыцарем Годфруа де Леви, и, да сбудется мой оммаж во веки веков!..

Король поднял рыцаря, троекратно поцеловал его и сказал:

– Принимай замки, обустраивайся... – потом, подумав, добавил. – Да, чуть не забыл. Один, очень мощный замок, он называется Сент-Ном, я выделяю лично от своей щедроты. Замок расположен в Гатинэ, возле земель Монфоров, Рошфоров и прочих смутьянов, мутящих воду на юге моего домена.

Годфруа поклонился:

– Сир! У меня нет слов, чтобы выразить благодарность за вашу щедрость и любовь. Можно мне, сначала, убыть к принцу в действующую армию?..

Король посмотрел на советника, потом, на рыцаря и кивнул:

– Как пожелаешь. Только, забудь об Англии! Вы ездили, к примеру, в Бретань! По поводу смерти мессира Жана скажешь, что кельты его выкрали и подло убили...

– Хорошо, сир.

Годфруа поклонился и вышел из комнаты. Филипп дождался, пока рыцарь не выйдет во двор, и сказал, обращаясь к Рено:

– Присмотритесь к нему. Если вам покажется, что он может проболтаться... – король провел ребром ладони по горлу.

– Будет исполнено, сир... – Рено де Вильбеон поклонился.

Но, на сердце Годфруа было, все-таки, беспокойно. Он, каким-то шестым чувством, подозревал и догадывался, что король сказал не всю правду...

«Бог тебе судья, Филипп Французский.... Бог тебе судья...» – Годфруа сел на коня и выехал к принцу, отряды которого скапливались под Орлеаном...

Едва конь Годфруа покинул дворец короля, Филипп сказал советнику:

– Этот мальчишка, все-таки, что-то заподозрил. Я почувствовал это нутром. Да, Рено, надо, все-таки, с парнем кончать...

Рено удивленно посмотрел на короля:

– Сир. Но вы же только что вручили ему ордонанс о выделении ленов в графстве Дрё?.. Полагаю, что он успокоится и позабудет обо всем...

– Ты так полагаешь? Не уверен. И, все-таки, надо строго присматривать за ним. Пойди к Сугерию и прикажи ему отправить тех двух молодых, что ездили с ним в Англию. Они знают рыцаря в лицо и не перепутают его с другим человеком, в случае чего...

– Хорошо, сир... – Рено удалился, оставив Филиппа наедине со своими мыслями.

III ГЛАВА.

Встреча с Людовиком.

Замок Шато-Ларю под Орлеаном. Лагерь армии принца Людовика. 12 августа 1100 года.

Годфруа прибыл в лагерь отрядов принца Людовика только под вечер. Его уставший от бешеной скачки конь еле доплелся до конюшен, где и упал, обессилив от бешеной скачки.

Годфруа бросил коня прислуге, сказав мимоходом:

– Если поставите на ноги – каждому по ливру серебром...

Он прошелся между ровных и стройных рядов палаток, порядок и чистота которых чем-то напоминала римский лагерь, как его описывал Вегеций.

Несмотря на позднее время, принц еще не спал. Когда де Леви вошел к нему, Людовик рассматривал какое-то письмо. Возле принца стояли два монаха, потупившие головы и ожидающие ответа принца. Что-то, до боли знакомое, показалось в их облике Годфруа.

Людовик оторвал взгляд от письма и, увидев Годфруа, крикнул:

– Боже мой! Годфруа! А я уже стал подумывать, что и ты погиб в болотах Бретани! Ведь тебя и Жана король послал именно туда?

Годфруа приклонил колено перед принцем и ответил:

– Да-да, ваше высочество. – Он помнил слова короля и не решился рассказывать принцу всю правду о секретном задании, воспоминание о котором у него не вызывало ничего кроме тошноты и дрожи омерзения. – Отнюдь, ваше высочество! Бог миловал меня, чего не скажешь о бедном Жане...

Один из монахов, как показалось Годфруа, вздрогнул, услышав слова де Леви.

Людовик подошел и поднял, держа за плечи, де Леви:

– Прекрасно! Вот, – он потряс письмом, – отец написал мне обо всех твоих злоключениях! Может, сам расскажешь на досуге?..

Годфруа сделал кислое лицо:

– Я не сильный рассказчик. Так, всякое бывало. Жаль только мессира Жана, ей Богу, жаль!..

Людовик перекрестился:

– Славный был воин, упокой Господь его душу. – Он ткнул рукой в монахов. – Прибыли буквально перед тобой, привезли письмо отца и Сугерия. Хотят присутствовать в нашем войске, служить пастырями нашими. Они оба немые. Значит, им можно спокойно исповедоваться. Они уже точно никому не проболтаются!

Принц засмеялся, глядя на монахов. Монахи, как ни в чем небывало, стояли поодаль.

– Ты, Годфруа, случаем, не хочешь исповедаться? Может, грех, какой, на душе имеешь?..

Годфруа вздрогнул, но соврал:

– Нет, ваше высочество, моя совесть чиста... – Он незаметно посмотрел на монахов. Их лица, несмотря на невыразительность, показались ему, все-таки, знакомыми. Он спросил у них. – Святые отцы, случаем, я не мог вас видеть где-нибудь?.. – Монахи отрицательно покачали головами. – Значит, я ошибся и обознался... – кивнул им де Леви. – И, тем не менее, ваше высочество, у меня нет нужды исповедоваться. Я не совершил ничего предосудительного или неподобающего рыцарскому званию, что могло бы очернить и погубить мою бессмертную душу. – Соврал он напоследок, бросив едва заметный взгляд на монахов. Один из них снова. Как показалось ему, одобрительно кивнул.

Людовик налил вина, взял два кубка в руки и подошел к де Леви:

– Угощайся! Пей на здоровье! – Он повернулся к монахам и добавил. – Дергайте отсюда! Сидите в лагере смирно! Не смущайте моих рыцарей!..

Монахи поклонились и ушли. Людовик отпил вина и сказал де Леви:

– Еще ночь, и ты бы меня искал уже под Буржем. Основная часть армии ушла туда...

– А вы, принц?..

– Сворачиваем лагерь. Завтра мы выезжаем за рыцарями. Их повели мессирсы Антуан и Мишель де Нанси...

Годфруа улыбнулся:

– Давно же я не видел их! Соскучиться успел! Как они, все нормально?..

– Нормально! «Пошуровали» опять от души в Понтье и Вермандуа! Ты не представляешь, Годфруа, какой штурм был! – Принц причмокнул губами от удовольствия.

Годфруа выпил вино и, косясь на выход из палатки, сказал:

– Что-то не нравятся мне эти монахи...

Людовик отмахнулся:

– А, ну их, будут исповедовать рыцарей перед боем, и соборовать убиенных, не дай Бог нам самим дожидаться этого!

Они поболтали еще пару часов, после чего заснули. Утром, скоренько помолившись, Людовик и Годфруа выехали догонять армию, ушедшую к Буржу...

IV ГЛАВА.

Дорога на Бурж.

Граница Орлеаннэ и виконства Бурж. 14 августа 1100 года.

Людовик и его отряд нагнали рыцарей только под замком Монтрей-Эвонн. Мессир Антуан двигался не спеша, останавливаясь почти во всех городах и бургах, встречаясь со многими сеньорами, обеспокоенными резкими и ошеломляющими воображение (молодец, Сугерий!) военными успехами принца в Понтье. Епископы также малость присмирели, напуганные требовательностью принца Людовика в отношении обещанных денег епископом Бовэ и тем, как он их быстро сумел вытрясти из этого скряги и. Антуан, в меру своих возможностей, поддерживал рассказы, уклончиво отвечая на более-менее конкретные вопросы о численности армии принца, ее потерях. Когда же разговоры заходили об участии всевозможных небесных сил, вставших на сторону принца Людовика и разивших его врагов, мессир набожно закатывал глаза, крестился и, вздыхая, говорил, что-то наподобие этих фраз:

– Воистину, бог и его небесное воинство осеняли нас! Жаль, что вас, неверующих в Божье провидение, не было с нами в тот знаменательный день!..

Слухи множились и приукрашались день ото дня. Людовик все чаще, проезжая через городки и бурги, не говоря уже о мелких местечках и селениях, сталкивался с толпами одержимых фанатиков, моливших его об исцелении какого-нибудь недуга, который одолевал их. Уже стали ходить слухи о его чудотворном даре исцеления *золотухи* и паралича. Принц стал побаиваться этого, ведь так недалеко и до комиссии папских легатов дожить.

Присоединившись к своему войску, Людовик искренне обрадовался виду своих соратников и тому, что многие раненые выздоравливали. Не было надобности отправлять их по домам и монастырям на излечение. Рыцари весело приветствовали молодого принца, придумав новый клич:

– Бог и Людовик!..

Принц поморщился. Конечно, ему было приятно, что его имя поставили в боевой клич вместе с таким символом веры и благочестия, но он попросил, по возможности, изменить данный клич и девиз чем-нибудь менее пафосным и более приземленным. Тогда вечный балагур, хохотун и страшнейший выдумщик Гастон де Омаль переменял девиз на:

– Франция и Людовик!..

Это уже было более приемлемо, но принц сильно беспокоился, не будет ли данный боевой клич истолкован его врагами, как намек на узурпацию власти его, еще живого, отца.

– Мессир! Я тронут Вашей любовью и привязанностью ко мне, но прошу вообще воздержаться от девизов и кличей, дабы не давать повода к злословию и наветам моим недругам. – Сказал собравшимся рыцарям Людовик.

– Только прикажите, Ваше высочество, и мы разорвем в клочья любого врага! – Гаркнули глотки его рыцарей.

«Прекрасно. Теперь я обзавелся ватагой отможенных, но верных, до невозможности, рыцарей, которые будут искать повод погромить любого моего врага в надежде откусить, с моего высочайшего разрешения, горсть его земли». Вслух же сказал:

– Мессир! Для Меня высочайшая честь и благо иметь таких верных и благородных вассалов! Верьте мне! Идите за мной! И вы не прогадаете!..

– За Людовиком в огонь и в воду! – Снова крикнули обрадованные рыцари.

– А вот, мессир рыцари, и новый клич, если хотите, – спокойно сказал принц. – Скоро мы вступим в земли виконства Буржа, отдохните и приведите в порядок своих подчиненных. Мы же пока побеседуем наедине с мессиром коннетаблем нашего отряда, благородным и верным де Сент-Омером...

Рыцари, поклонившись, вышли из палатки принца, оставив его наедине с мессиром Антуаном.

– Мой верный и добрый наставник. – Начал принц. – Я до сих пор под впечатлением успехов нашей операции. Только благодаря Вам, Вашему гению воина и Вашей методе подготовки моих молодых рыцарей нам удалось так блистательно разбить мощного врага.

– Сир. Вы меня, право, разбалууете своими комплиментами, и я сам поверю в свою непревзойденность. – Рассмеялся Антуан.

– Ладно. У меня к Вам есть совершенно неожиданное предложение...

– Какое предложение, сир Людовик? – Заинтересовался де Сент-Омер.

– Как Вы смотрите на то, что возглавите мою личную военную школу для юных дворян, поступающих ко мне в услужение?..

– Намекаете, что старику Антуану пора на покой?..

– Отнюдь. Старику Антуану, как Вы выразились, не пора на покой. Старику Антуану будет, если он даст согласие, совсем не до покоя! Сугерий на волне воодушевления уже умудрился насобирать мне около двухсот молодых бастардов и младших сыновей дворян со всех уголков нашей милой Франции. Самое смешное, он отобрал только наиболее экипированных ребят, многих он в деликатной манере завернул, поставив в «лист ожидания милости принца Людовика». Каков подлец, а?

– Признаюсь, мой принц, Сугерий и в правду не по годам смысленный человек. Так вот от кого исходят многие басни и слухи о нашем походе! – Рассмеялся Антуан.

– И от него тоже. Но, смешное будет дальше, держитесь крепче, чтобы не упасть со стула! Сугерий разместил их лагерем на спорных с Монморанси землях на правом берегу Сены, прямо у Парижа. Как Вам это? – Добавил Людовик.

– Вот прохвост! Поставить перед самым носом у Монморанси легион молодых и голодных до славы и наград юношей, связанных, пока условной, но, вассальной присягой принцу! Молодец! – Не удержался от искренних похвал мессир Антуан.

– Так что Вы теперь скажете на мое предложение?

– Говорить нечего! Когда мне выезжать и принимать этих «славных птенчиков Сугерия»?

– Если честно, то вчера! – Пошутил, довольно-таки серьезно, Людовик. – Меня интересует только один вопрос – кого Вы рекомендуете на роль коннетабля в Ваше отсутствие?

– Лучше мессира Мишеля де Нанси вам не найти. Сдержанный, опытный, трезвомыслящий на поле брани воин. Пользуется уважением всех, без исключения, воинов Вашего отряда, сир. – Отрекомендовал де Нанси мессир Антуан.

– Великолепно! Пригласите немедленно мессира де Нанси, у меня есть к нему неотложное дело! – Крикнул Людовик слугам, которые тотчас побежали искать де Нанси.

– Кого бы Вы хотели взять себе в помощники, мессир Антуан? Ведь новое дельце будет более масштабным, а мне бы очень хотелось, чтобы Вы не утомились на этих юнцах. – Продолжал принц.

– Из всех рыцарей, присутствовавших с Вашим высочеством при штурме замка де Фонтенэ, мне наиболее приглянулся мессир де Монтонкур, взявший на себя самый трудный и опасный участок – управление тараном. Он хотя и молод, по моим меркам, но смысленный и толковый рыцарь. – Ответил Антуан.

– Быть по сему... – спокойно ответил Людовик.

В палатку вошел де Нанси, который учтиво поклонился и замер у входа.

– Входите, мой благородный де Нанси! Обстоятельства неотложного характера вынудили меня срочно искать вас. – Улыбнулся Людовик.

– Сир! Вы можете располагать мною в любое время суток! – Бодро ответил де Нанси.

– Видите ли, де Нанси, я вынужден откомандировать мессира Антуана де Сент-Омера в Париж, и мне необходим человек, способный заменить столь славного и грамотного командира. Что Вы думаете по этому поводу, мессир де Нанси? – Спросил Людовик, пристально взглянув в его глаза.

– Мне лично кажется, сир, что в нашем отряде никто не способен заменить мессира Антуана. – Ответил невозмутимый де Нанси.

– Вы совершенно правы. Исходя из этого, я лично спросил совета у мессира Антуана на предмет назначения заместителя. Он рекомендовал Вас, де Нанси. Что скажете?..

– Это высокая честь и огромная ответственность, сир Людовик. Я считаю, что есть другие персоны, более подходящие для этой роли... – смущенно ответил де Нанси.

– Мы прекрасно знаем Вашу скромность, порядочность и щепетильность, но, коли, мессир Антуан посоветовал назначить коннетаблем Вас, так оно и будет. – Решительно сказал Людовик, давая понять всю серьезность и окончательность его решения.

– Раз такое дело сир, то я отвечу только одно. Я, Мишель де Нанси, не подведу Вас и не разочарую моего доброго наставника, мессира рыцаря Антуана де Сент-Омера! – Гордо и спокойно ответил де Нанси.

– Вот и славно. А теперь, сеньоры рыцари, я больше не смею Вас задерживать. – Учтиво сказал Людовик рыцарям, которые поклонились и покинули палатку принцу, направившись принимать дела в отряде.

Людовик сел возле горящего факела и начал читать вторую, секретную, часть письма Сугерия.

«Также извещаю Вас, принц, о начале козней семейств де Рошфор и де Монморанси вокруг Вашего батюшки Филиппа. Оные рыцари, прознав о Ваших успехах, сильно обеспокоились. Они начали плести сети вокруг необходимости женитьбы Вас, мой друг и сюзерен, рассчитывая таким способом повлиять на Вашу новую политику укрепления власти. Вашей свадьбой для своих семейств добиться больших выгод...».

Далее Сугерий рассказывал о возросшей активности семейства де Монморанси вокруг аббатства Сен-Дени и земель убитого мессира де Фонтенэ в графстве Понтье.

Все это начинало беспокоить принца не на шутку.

«Проклятые лизоблюды! Им наплевать даже на близкое кровное родство, лишь бы просунуть свои рыла ближе к кормушке привилегий и власти! Я устрою им скоро небольшое светопреставление! Сначала, я уговорю нашего милейшего виконта де Бурж о залоге его земель,

в случае участия мессира виконта в крестовом походе. Короне надлежит быть первой в таких делах...».

Он снова перевел взгляд на письмо:

«По моему разумению, стоит немного поучаствовать в этой игре, усыпив их внимание. Можно дать предварительное согласие на данный брак, который всегда можно будет оспорить перед Римом, выдав его кровосмесительным...».

Сугерий настоятельно просил принца направить мессира Антуана с помощниками для отбора и подготовки молодых рыцарей, набранных и размещенных под носом у семейства Монморанси.

Дело, за время отсутствия принца Людовика в Париже, принимало дурной оборот. Людовик сильно обеспокоился возней придворных вокруг его отца и, что особенно его настораживало, детей от незаконного брака с Бертрадой де Монфор. Прежде всего, это был его младший брат, Филипп, бастард, но бастард мужского пола и, значит, его всегда можно использовать в грязных престольных играх....

– Грязные твари! Зачем они впутывают в свои игрища малютку Филиппа? – Вслух громко крикнул Людовик.

Он взял в руки перо и начал спешно писать ответ Сугерию:

«Направляю Вам, мой добрый друг и верный слуга, мессиров де Сент-Омера и де Монтонкура с их людьми для обучения и подготовки молодых рыцарей. Настоятельно прошу Вас уделить больше внимания участию сеньоры де Монфор в сношениях с названными лицами, уделив внимание при этом на возможность участия или неучастия отца мадам Бертрады, равно и братьев. Особенно, в альянсе Рошфоров и Монморанси. Нам важно знать постоянное состояние дел при дворе нашего любимого батюшки, короля Франции Филиппа. Также направляю Вам всех арбалетчиков, вместе с мессирами де Гели и де Омаль. Укомплектуйте их, по возможности, быстрее новыми рекрутами до полного комплекта».

Людовик налил вина в кубок, откусил холодного мяса. Проглотив еду, он стал дописывать:

«Отпишите, приватно, аббату Сен-Дени, достопочтенному Адаму, что принц Людовик в курсе всех разногласий и споров между аббатством и мессиром Бушаром де Монморанси, в которых принц неизменно держит сторону церкви и служителей божьих.

Отпишите, опять-таки приватно, епископу Бовэзи о том, что принц Людовик более не намерен терпеть нарушения мессира де Муши на землях и обителях диоцеза Бовэзи.

Проси вышеназванных мною прелатов сильно не беспокоиться, но особо не предавать огласки факт сношений с принцем, дабы этими известиями не насторожить названных нарушителей Божьего мира и порядка на землях королевства Франции.

Отпишите, приватно, аббату Сен-Дени, достопочтенному Адаму, мою просьбу просмотреть родословные высших сеньоров королевства на предмет моей возможной женитьбы, дабы избежать кривотолков и кровосмешения в случае определения выбора невесты. Настоятельно прошу последний пункт провести тайно и со всем радением.

Людовик Французский. Рыцарь».

– Дальше, Сугерий сам додумается... – тихо сказал принц самому себе, запечатывая письмо сургучом.

Людовик вышел на воздух, он очень любил теплые летние ночи, когда можно долго прогуливаться и наслаждаться нежным дуновением легкого ветерка, доносящего запахи леса и реки. Он дошел до палатки мессира Антуана, возле которой деловито сновала прислуга, сворачивающая скарб рыцаря, увидел самого мессира, о чем-то оживленно беседующего с Мише-лем де Нанси и, кашлянув, привлекая их внимание, заговорил:

– Отчего вы, мессир рыцари, не отдыхаете?

Рыцари встали со своих мест и, поклонились принцу. Ответил за разговаривающих Антуан:

– Вот, Ваше высочество, объясняю нашему новому коннетаблю некоторые тонкости в деле обеспечения Вашей безопасности.

– Лучше не трудитесь, мессир Антуан. Я принял решение об отправке с вами всех арбалетчиков на отдых и доукомплектование в Париж. С собою оставляю только конных рыцарей и прислугу. – Произнес Людовик.

– Но, сир. Какими же силами обеспечивать Вашу безопасность? – Удивился де Нанси.

– Оставшихся рыцарей будет предостаточно. Тем более, что завтра я направлю гонца к Его светлости виконту де Буржу с известием о визите дружбы к нему. Мессир виконт сам будет вынужден взять всю заботу на себя. Предлог для визита есть и неплохой, смею Вас заверить. Через две недели в Бурже должен состояться рыцарский турнир, вот мы и едем...

– Теперь мне все ясно, Ваше высочество... – успокоился де Нанси.

– Мессир Антуан, не могли бы Вы оказать мне еще одну услугу. Право, сущая безделица, даже говорить не хотелось... – обратился Людовик к Антуану.

– Весь в Вашем распоряжении! – Ответил старый рыцарь.

– Чудненько! Передайте, по возможности, не привлекая ничьего внимания, данное послание моему слуге. Он монах, его зовут Сугерий. Мне кажется, Вы должны были его видеть и знать в лицо... – отстраненно попросил принц.

– С превеликим радением исполню Ваше повеление! – Изысканно ответил Антуан.

Людовик пошел отдыхать, за эти несколько недель сплошной нервозности он несколько осунулся, вокруг глаз появились темные круги, показывающие, скольких сил стоили ему недавние «приключения». Он вошел в свою палатку, наскоро разделся и, повалившись на походный тюфяк, укрытый шкурами, сразу же заснул крепким сном. Слуги расположились вокруг палатки принца, организовав подобие караула. Принц не услышал, как рано утром основная часть его отряда снялась и отправилась в сторону Парижа.

Людовик проснулся только к обеду, расстроенный тем, что его не разбудили для прощания с арбалетчиками и командирами, а также для обязательной утренней службы в походной часовне принца. Но ругался он более для вида, нежели серьезно. Людовик был признателен окружающим, позволившим ему насладиться длинным и спокойным сном.

– Рыжий! Тащи воду для умывания! Мы с тобой умоемся, пока слуги быстро накрывают на стол! Я ужасно голоден сегодня!! – Крикнул Людовик своим слугам, улыбающийся и выспавшийся. – Да, и не забудьте, олухи, пригласить к столу мессира Мишеля и всех рыцарей!

Слуги проворно накрывали столы, подали большой серебряный кувшин с теплой водой и несколько холщовых полотенец для обтирания. После умывания, принца и Годфруа переодели в свежее белье и доложили о готовности обеда.

– Ну вот! Если на вас орать, успеваете все! – Улыбнулся принц.

Он подозвал к себе Годфруа и спросил его:

– Тяжко тебе, де Леви, переживаешь смерть славного Гуго?

– Да, Ваше высочество... – грустно ответил Годфруа.

– Слыхивал я, краем уха, болтовню моей кухонной челяди... Они что-то говорили насчет твоей обиды на поступок Гуго? Поясни-ка... – сказал Людовик.

– Право... какая-то глупость... – замялся Годфруа.

– Глупость, не глупость... рассказывай!

– Что рассказывать? В общем... – снова тянул с ответом Годфруа.

– Да ты что, онемел! Отвечай, как есть. – Нервы у принца начинали не выдерживать нудного блеяния его рыцаря.

– Не обижайтесь, Ваше высочество! Только я действительно сержусь на покойного Гуго за то... что он погиб вместо меня, и он закрыл Вас, а не я! Вот!!! – Выговорил одним махом Годфруа.

– Боже мой! Какой же ты еще дурак!!! – Ответил ему принц. – Спасибо, что, хотя бы верный и преданный дурак. Выбрось из головы эти греховные мысли о Гуго. Лучше молись за упокой его души, ибо своим поступком он показал пример верности своему хозяину и господину. Его совесть чиста, это мне потом предстоит отвечать за его погубленную жизнь на Страшном Суде. А теперь, давай завтракать...

Годфруа поклонился и умолк. Он даже не мог себе представить, что принц так расстроится его мыслям.

Глядя на де Леви, Людовик задумался:

«Что же такого во мне особенного и странного, что мне так везет, пока, на хороших и верных слуг и рыцарей? Вот и этот малыш готов, без раздумий, отдать за меня свою жизнь... Удивительно...»

Послышался разговор подходивших рыцарей. Принц встал и произнес:

– Прошу Вас не стесняться и приглашаю моих рыцарей разделить со мной походный стол.

– Спасибо, наш благородный сеньор! – Ответили рыцари.

Маленький отряд принца расселся за накрытым столом и с упоением принялся за обед, обильно орошая себя вином под шутки и прибаутки собравшихся за столом рыцарей. Людовик снова веселился от души, добрый отдых пошел ему на пользу.

После обеда принц задержал Мишеля де Нанси для разговора:

– Сеньор де Нанси. У нас с Вами осталось двадцать рыцарей. Для Вас и этих достойных дворян я решил устроить небольшой отдых и развлечь всех на предстоящем турнире в Бурже. Думаю, что отдых такого плана придется по душе нашим воинам.

– Это большая честь для меня и всех рыцарей участвовать в турнире под Вашим вымпелом и в Ваших цветах, мой господин. – Учтиво ответил де Нанси.

– Э нет! Выступать мы станем не в королевских цветах, а в цветах мессира виконта!

– Но для чего, Ваше высочество? Мои рыцари, как на подбор, подготовленные воины, прошедшие уже две компании под Вашим стягом! Возле Манта-на-Сене и в Понтье, нам стыдиться за них не придется... – ответил де Нанси.

– Этого требует не неуверенность в силах наших рыцарей, а политические причины...

– Прошу прощения у Вашего высочества за то, что невольно... – замаялся де Нанси.

– Ничего страшного, мой добрый друг. Я могу Вас так называть, Мишель?

– Для меня это будет слишком большая честь, Ваше высочество. – Потупи взор, ответил смущенный де Нанси.

– Перестаньте, право Вы меня смущаете. Вам, как коннетаблю, я позволяю обращаться ко мне «принц» или «сир». Я приказываю... – настаивал Людовик.

– Спасибо, сир... – согласился де Нанси.

– Вот, совсем другое дело! Отберите одного рыцаря пошустрее и отправьте его с письмом для виконта Буржского. Оно уже готово... – принц протянул, залитый сургучом, свиток.

– Будет исполнено, сир! – Ответил де Нанси, поклонился и покинул палатку принца.

Людовик подождал немного, затем вышел на воздух и приказал Годфруа:

– Собирай вещички, лодырь! Завтра мы выступаем рано утром...

Де Нанси быстро собрал в дорогу одного рыцаря и, вручив ему письмо принца, сказал:

– Постарайтесь успеть как можно быстрее. Меня беспокоит возможность нападения на Его высочество. У нас мало людей. Завтра мы выступаем следом за вами по направлению к Буржу. Я очень рассчитываю на вас.

– Не извольте беспокоиться, все будет исполнено четко. Мой конь вынослив и надежен, надеюсь с божьей милостью добраться за пару дней. – Ответил рыцарь и, сев на коня, поскакал в Бурж.

На следующее утро Людовик собрал всех своих воинов на утреннюю молитву в своей походной часовне. Рыцари благоговейно выслушали проповедь священника, посвятившего свою речь деяниям Святого Дионисия, первого франкского священника и покровителя королевского дома. Мысли большинства уже занимал предстоящий турнир, где каждый надеялся проявить свою ловкость, силу и верность своему сюзеру – принцу Людовику, попутно рассчитывая обогатиться за счет побежденных противников, подзаработать денег и славы и, если повезет, приглянуться какой-нибудь богатенькой наследнице.

Людовик с интересом наблюдал за своими рыцарями, пытаясь угадать их мысли:

«Да о чем могут думать молодые, как я, и полные сил и энергии рыцари! О славе, богатстве, власти, замках и красивых женщинах! Моя задача только и делать, что обеспечивать их всем этим. А в прочем... Я и сам бы не отказался приударить за какой-нибудь графской дочкой, лишь бы она была покладистой и не ломакой!».

Быстро свернув лагерь и пообедав под открытым небом, маленький отряд принца выступил в поход к славе турнира. Три дня пути пролетели быстро и незаметно, великолепная погода, приемы в замках местных владетелей и толпы народа в местечках и бургах, приветственно машущих принцу Людовику, защитнику обиженных и притеснителю нарушителей, доставили отряду массу удовольствия. На четвертый день пути отряд подъехал к межевому столбу, обозначающему границу виконства Буржского. Там их уже ожидали шатры и большая кавалькада встречающих лиц, заблаговременно посланных мессиром Эд-Эрпеном, виконтом де Бурж.

Граница виконства Бурж. 19 августа 1100 года.

Людовик выехал несколько вперед, как и подобает важной персоне. За ним ехал гордый рыцарь Годфруа в своем новом желтом сюркоте поверх кольчуги и держал в руке знамя принца Франции. Все знамя было в лилиях на лазурном фоне с серебряным шевроном, означающим символ принца крови и прямого наследника престола. Все рыцари эскорта переоделись заблаговременно в яркие сюркоты поверх кольчуг и начистили до ослепительного блеска свои доспехи.

Две процессии медленно приблизились друг к другу. Из группы встречающих выехал главный герольд виконства и торжественно произнес:

– От имени и по поручению моего хозяина, знатного и благородного мессира Эда-Эрпена виконта де Бурж, приветствую Вас, благородный сир Людовик де Франс, принц и наследник короны Франции. Мой могущественный сеньор, виконт де Бурж, сердечно рад видеть и принимать Ваше королевское высочество у себя во владениях, замках и городах в качестве почетного гостя. Его светлость, мессир виконт, рассчитывает на Ваше доброе отношение к нему и выражает надежду на возможность участия принца Людовика де Франс в предстоящем рыцарском турнире... – витиевато проговорил приветствие герольд и учтиво поклонился.

– Приветствую славного герольда и рыцарство виконства де Бурж от имени короля и принца Франции. Для нас высокая честь принять участие в турнире, организованном Вашим сеньором.

Встречающие принца поклонились, Людовик продолжил:

– От себя лично хочу отметить желание выступать на предстоящем турнире не под королевским вымпелом, а под флагом и в цветах нашего благородного, могущественного и доброго соседа и вассала, мессира Эда-Эрпена, виконта де Бурж.

– Салют принцу! Это большая честь для Буржа! Франция и Бурж! – Восторженно закричали встречающие.

«Франция и Бурж! Недурное начало. Кажется, что сердца этих рыцарей я умудрился покорить сразу, теперь надо еще немного удачи на виконта де Бурж...» – подумал Людовик.

Процессия развернулась, образуя кольцо, в которое заключила отряд принца, и неспешно поехала по дороге в направлении Буржа. Рыцари успели перезнакомиться, у некоторых обнаружили какие-то дальние родичи, в общем и целом, все начиналось прекрасно. Великолепное теплое лето, синее пронзительное небо над головой, нежный ветерок, обдувающий принца, пенье и чирикание птиц, все радовало Людовика. Встречающие старались угодить принцу и его окружению, устраивая частые привалы с богатыми пирами и обильными возлияниями, местные владетели, узнав, что принц проезжает мимо или рядом с их владениями, наперебой приглашали остановиться и погостить у них, приходилось или соглашаться, или долго и деликатно объяснять причины невозможности оказать им честь.

В конце концов, измученные навязчивым буржским гостеприимством, кавалькада добралась до моста возле Орлеанских ворот Буржа, где ее встречал лично хозяин земель, мессир Эд-Эрпен де Бурж, архиепископ диоцеза и многие знатные сеньоры, прелаты, рыцари и горожане, радостно и приветливо махавшие разноцветными платками по обеим сторонам дороги и возле моста.

V ГЛАВА.

Рыцарский турнир в Бурже.

Первый день.

Бурж – столица виконтства. 20 августа 1100 года.

«Однако, мот и транжира превеликий, этот наш милейший виконт. Интересно, сколько денег вбухал он на украшение города, его окрестностей и своей свиты к предстоящему рыцарскому турниру? Боюсь, как бы нам с батюшкой Филиппом не «вылилось в последнее денье» мероприятие по возможной покупке владений мессира Эда-Эрпена.» – Отметил принц, глядя на окружающих его вельмож и толпу.

Он выехал несколько вперед и произнес:

– Я, Людовик Французский, принц и наследник короны, сын короля Филиппа, приветствую тебя, нашего благородного и могущественного вассала, и свидетельствую в присутствии знатных людей виконства и жителей славного города Бурж о почтении и чести тебе, мессир виконт де Бурж, питаемом издревле нашими предками к вашим предкам.

Виконт де Бурж слез с коня, пошел к принцу и, встав на одно колено, произнес:

– Приветствую и я Вас, Ваше королевское высочество, принц и наследник престола франков Людовик! Приглашаю Вас и Вашу свиту рыцарей стать моими личными и почетными гостями в землях, кои мы, виконты де Бурж, держим издревле от королей Франции.

Под радостные возгласы ликующей толпы виконт Буржский встал с колен и, взяв под уздцы коня, на котором восседал принц Людовик, торжественно ввел процессию в город через мост и Орлеанские ворота. Принц и его рыцари ехали по древним, еще с римских времен, улочкам города, окруженные толпами жителей, высыпавших на улицы и торчащих из окон близлежащих домов, с целью увидеть принца Франции, человека, обладающего, по слухам, даром исцеления многих болезней. Слухи о его блистательной победе в Понтье над угнетателями крестьян, горожан, купцов и священников докатились уже и до виконства, попутно обрастая «бородой слухов и добавлений».

«Вот и хорошо. Они принимают нас прекрасно, словно мы уже настоящие хозяева. Теперь еще немного выдержки, хитрости и везения...» – тут Людовик увидел в толпе лицо человека, до боли знакомого ему. Он напряг свою память... «Точно! Это же канцлер «милей-

шего» де Монморанси! Неужели нас опередили и уже предложили деньги виконту? Тогда становится ясно, откуда такие большие траты...»

Принц несколько сбавил темп и поравнялся с виконтом, сияющим от гордости и удовольствия.

– Мессир виконт. – Обратился к нему Людовик. – Не окажете ли Вы любезность Мне в Моей крайне скромной просьбе?

– Для меня это будет великой честью. – Ответил Эд-Эрпен.

– Мне бы хотелось попросить Вашего согласия на участие Меня лично и рыцарей Моего эскорта в турнире, но под знаменами и цветами виконства де Бурж. – Сказал Людовик.

Виконт ошалел от неожиданности и произнес:

– Боже мой! Это такая честь! Такая честь! Конечно, Ваше высочество!

– Понимаете, дело такое... Вы же в курсе того, что с моего батюшки так и не сняли отлучение, которое не позволило ему отправиться в крестовый поход во главе французских паломников. Он послал своего брата и моего дядю, графа Гуго де Вермандуа. А я был еще юн. Мне хотелось бы, как это выразиться, проконсультироваться у Вас, как мужа опытного и грамотного в военном деле, по вопросу подготовки к походу. За одно и потренироваться в воинском искусстве на турнире. – Стал туманно говорить принц.

Виконт толком мало что понял, но фразы «крестовый поход» и «совет» он уяснил и возгордился тем, что его избрал принц Франции своим наставником в воинском деле.

– С радостью, Ваше высочество! Я и сам, грешным делом, подумываю о походе. Ведь попал я в лапы «лукавого» и отговорился от участия в столь славном и богоугодном предприятии, а теперь жалею. Извожу и себя, и окружающих. Даже этот турнир организовал, чтобы всем доказать, что виконт Эд-Эрпен еще грозен и могуч и, Бог даст, отправится еще в крестовый поход... – ответил возгордившийся виконт.

«А, так значит, я еще не опоздал! Денег у него нет!» – обрадовался принц и произнес:

– Я настаиваю, чтобы Вы просветили меня во все тонкости и премудрости подготовки к столь великому и богоугодному делу, виконт!

– С превеликой радостью! – Согласился, ни о чем не догадавшийся, виконт.

Они въехали через большой подъемный мост в цитадель города, где размещался гарнизон и резиденция виконства, рыцарей эскорта принца услужливые вассалы разместили по комнатам, а принца и виконта проводили в большой зал приемов, где уже их ждал накрытый стол. Вечером принц и виконт, шумно веселясь, говорили различные тосты и гуляли до невозможности. На утро, все вечерние невозможности вылились в жуткую головную боль. Гостям было трудно смотреть на приятное летнее солнышко. Людовик собрался с силами и начал ежедневные утренние упражнения, к которым приучил его мессир Антуан. Он энергично помахал руками в разные стороны, разогреваясь и разгоняя кровь, затем стал отжиматься от пола. Принц безумно любил это упражнение, он мог отжиматься широким и узким хватом, на одной руке в течение долгого времени. Потом шли обязательные приседания с грузом, принц брал в качестве утяжелителя пару больших двуручных секир или больших булав. Окончив занятия, Людовик отметил про себя, что головная боль незаметно прошла. Он кликнул своих слуг и с удовольствием обмылся прохладной водой, приготовленной для него в большом количестве. Оставшиеся три дня до начала турнира принц и его отряд решили провести в постоянных тренировках.

Людовик собрал всех своих рыцарей и оруженосцев и выехал из города, под восторженные и приветливые возгласы обывателей на большую и ровную поляну, прямо за рекой, возле крепостных стен города. Рыцари без усталости тренировались в конном бое на копьях и мечах, учились держать строй при галопе и перестраиваться на ходу. Людовик заметил, что на тренировках постоянно собирается много зевак и празднующихся, но среди них принц частенько видел канцлера его врага де Монморанси, мессира Юбера де Ро.

«Интересуемся умением моих воинов! Хорошо! Наблюдай и докладывай своему хозяину, мне нечего таиться, тем более от врагов короны. Пусть все знают, какую мощную и опасную «палицу» я готовлю им на головы!» – Улыбался принц.

Все эти дни он старательно избегал с виконтом разговоров на тему будущего похода, но всячески вздыхал, приговаривая:

«Это стоит таких денег, таких денег, что мой батюшка просто лопнет от злости, узнав, куда я хочу потратить часть его казны...»

Виконт в ответ также сочувственно вздыхал, качал головой и приговаривал:

«Вот и у меня, принц, такие же проблемы... Только более серьезные, чем у Вас...»

Людювик, понимая, что сейчас пока еще не время заводить разговор о возможности предоставить ссуду виконту, всячески уклонялся от продолжения и развития беседы с мессиром Эд-Эрпенем, но при этом старался надолго не оставлять его одного, исподволь контролируя ситуацию.

Рыцари во главе с мессиром Мишелем занимались подгонкой вооружения, чисткой и ремонтом кольчуг и лат.

Рыцарские турниры начала средних веков разительно отличались от позднего времени тем, что были более простыми, открытыми и более приближенными к реальности.

Турнир делился на несколько частей.

В самом начале, после процедуры открытия турнира, рыцарь-распорядитель турнира вместе с главным герольдом хозяина турнира объявляли имена, титулы и некоторые особенности участвующих рыцарей. Затем следовала процедура «выбора домов», в которой прибывшие рыцари, по своему усмотрению, разбивались на дом «хозяина и зачинщика» турнира и дом главного гостя и «почетного поединщика» турнира. Как правило, вторым избирался крупный землевладелец, граф или герцог, у которого должен будет проходить следующий турнир. Одинаково почетным считалась возможность отстоять или забрать с собой главный приз турнира. Это мог быть комплект вооружения для двадцати и более рыцарей, священная реликвия или иной, не менее ценный в то время, предмет.

Герольд и хозяин турнира следили за равным распределением противников по «домам», проверяли родословные участников и готовность их коней и вооружения. Сражения на смерть, как это писалось в рыцарских романах, были строжайше запрещены церковью, которую и так сильно коробил сам вид турниров. Рыцарская честь требовала щадить жизнь противника, если только он не был человеком, убившим родных рыцаря. Но для данных случаев применялся не турнир, а «ордалия» – вид судебного поединка, отданного на суд и в руки Божия, в присутствии графа и епископа, дабы засвидетельствовать правоту и прекращение «кровной вражды» между родственниками споривших на смерть.

Основными действиями турнира были:

Бугурд – вид групповой конной схватки, когда два отряда на полном скаку сталкивались между собой. Выбитых из седел отводили в сторону, и они уже больше не могли принимать участие ни в одном виде конных соревнований турнира, оставшиеся снова брали копыя, сталкивались до тех пор, пока у соперника не оставалось на десять рыцарей меньше. Победа присуждалась той стороне, у которой осталось больше рыцарей в седле.

Тьюст – вид одиночного конного боя на копьях, в котором необходимо было просто выбить из седла противника. У побежденных рыцарей могло забираться или вооружение с боевым конем, или просто конь или вооружение, или побежденный забирался в залог до получения, оговоренного заранее, выкупа. Это был вид одиночного боя на выбывание до абсолютного победителя турнира. Условия турнира каждый раз менялись, усложнялись, но это только больше привлекало участников.

Одиночный пеший бой противников с правом выбора соперников и оружия. Мечи должны были быть затуплены, палицы и шестоперы оборачивались войлоком для смягчения

ударов по телу и шлему соперника. Бои шли также на выбывание до абсолютного победителя турнира.

Сегодняшний турнир был наиболее строгим в плане имущественных потерь проигравших участников, в нем были оговорены строгие по величине и срокам выплаты суммы выкупа рыцарей. Если пленен принц, герцог или маркиз – выкуп составлял до двух тысяч турецких ливров серебром. За графа – полторы тысячи, виконта – тысяча, знатный барон или владелец аллода (независимой формы держания земель) стоил семьсот ливров, рыцарь – триста ливров серебром. Если же он был посвящен в рыцари прямо перед турниром (что часто практиковалось) – выкуп составлял всего сто турецких ливров. Суммы, прямо скажем, существенные для того времени, но это только еще сильнее разогрело интерес к участию в предстоящем турнире.

Накануне к Людовику прибыл специальный гонец от его отца, короля Филиппа, в сопровождении конвоя он привез принцу сорок тысяч серебром и два заемных письма на общую сумму в восемьдесят тысяч серебром в адрес евреев – менял, проживающих в Кагоре и Пуату. Король решил не сильно привлекать внимание к данному факту, выбрав специально авторитетных, но несколько отдаленных от места турнира, евреев – менял. Посланцы быстро и незаметно передали серебро и заемные бумаги принцу, сунули украдкой два письма и тронулись обратно.

Людовик перед началом турнира мог располагать довольно-таки крупной суммой наличных денег и займом на восемьдесят тысяч турецких ливров.

«С такими силами можно и рискнуть!» – Подытожил принц, пересчитывая деньги.

«Так, прежде всего мне надо не потерять их на турнире.... Затем, не мешало бы приумножить за счет богатых пленников. Но, не буду гневить Господа. Пусть все будет, как будет!»

Он разломал печати писем и начал их читать.

Первое письмо было от отца. Филипп хвалил Людовика за проведенную операцию в Понтье, не упустив случая поворчать немного по поводу его «излишне проявленного благородства к семье и землям богохульника и разбойника Фонтенэ». Далее было совсем плохо – отец метал громы и молнии по поводу его «ненужной нежности» к семейству де Марль.

«Ничего, – подумал Людовик, – отец просто недопонимает важность того, что, поддерживая де Марлей, я получил мощный кулак за спиной у Монморанси и де Муши...» – остальное в письме было, как всегда, «береги себя и много не пей». Но, в заключение письма, король вскользь упомянул о возможной скорой необходимости женитьбы молодого принца, но это прозвучало так, для общей серьезности забот родителя.

– Да, отец совсем одряхлел за последний год. Эта его любовь к Бертраде просто сжигает его изнутри. Так любить.... Да, воистину, душа человека тонкая штука! Он словно ослеп от своей любви, мир вокруг рушится, а ему наплевать.... Взят, да и сбросил на меня весь багаж военных забот... – грустно вздохнул Людовик.

Второе письмо он читал с большим интересом и вниманием, нежели первое.

Сугерий писал:

«Славно и ко времени пришлось прибытие мессира де Сент-Омера и его благородных помощников – учителей. Молодые рыцари укомплектованы по сорок человек, спасибо за присланные две тысячи серебром – все ушли на провиант и вооружение для этих новобранцев, мессеры приступили к тренировкам. Мы, с Божьей помощью, обнесли рвом и палисадом наш лагерь на правом берегу Сены, теперь нам нечего бояться внезапных нападений.

Только ваш батюшка сильно захворал и теперь часто пользуется лекарем от семейств де Рошфор и Монфор.»

Людовик нахмурился, значит, слухи о возможности заговора в пользу его младшего единокровного, но незаконнорожденного, брата были достаточно правдоподобными. Он стал читать дальше:

«Слава богу, здоровье нашего славного де Монфора не вызывает сильных опасений... (принц опять задумался – насколько верен ему граф де Монфор) ... но только и он, периодически наблюдается у того же доктора...»

– Все ясно! Кругом мерзавцы и предатели! Неужели и граф де Монфор? Мало верится... хотя... сейчас никому верить нельзя... – с грустью подумал принц.

Он встал, размял затекшие немного ноги и, подойдя к пылающему камину, бросил первое письмо в огонь. Людовик решил, было, не читать до конца письмо Сугерия, так сильно он был расстроен, но удержался от того, чтобы сжечь его, но заставил себя дочитать. То, что Сугерий написал в конце, вселило радость и уверенность в сердце принца:

«Ваша славная и успешная миссия в Понтье привлекла большое внимание многих епископов и аббатов земель королевства. Мне, Вашему рабу и покорному слуге, удалось заручиться согласием епископов Шалона, Сент-Кантена, Тура, Ланнуа и ряда других епархий. Епископы готовы передать, в качестве части воздаяния за праведные труды принца против разбойничающих в их диоцезах сеньоров, некоторые заемные бумаги «нашего» клиента. Его Вы соизволите увидеть на турнире в Бурже. Сие благостное для нас известие я лично проверил и убедился в подлинности и весомости некоторых бумаг» ...

– Вот Сугерий! Ай да прохвост! Додумался уже прибрать часть векселей Монморанси в руки, наобещав будущие мои заступничества для этих зажавшихся прелатов! – Обрадовано потер руки принц. Он дочитал письмо до конца и сжег его в камине. Завтра начинался турнир...

Поле возле Буржа. 24 августа 1100 года.

На утро герольды турнира посвятили целый день перечислению участников и гостей турнира, записывая их по двум соперничающим командам соперников.

Среди прибывших рыцарей значились: Отгон герцог Бургундии; Гильом герцог Аквитании и граф Пуату; Бернье граф де ла Марш; Огюст виконт де Туар; Жослен граф де Бар; Андрэ граф де Вандом; Мишель граф де Макон; Гуго граф де Кресси. Было еще много знатных и владетельных сеньоров, решивших рискнуть своим имуществом и деньгами ради возможности получить богатые выкупы. Прибыли также Бушар де Монморанси, его кузен Робер граф де Мёлан и Дрё де Муши. Прибыло несколько рыцарей от королевств Кастилии, Арагона и Наварры и несколько искателей приключений из близлежащих германских княжеств.

– Как же без Вас, стервятников... – зло ухмыльнулся принц.

В «дом хозяина и организатора турнира», кроме виконта де Бурж и принца Людовика, вошли все его рыцари, включая Годфруа де Леви и Мишеля де Нанси, а также Гильом де Пуату и его вассал виконт Огюст де Туар, со своими рыцарями.

В «дом поединщика» вошли: «главный гость» – герцог Бургундии и все остальные перечисленные сеньоры. Монморанси, Кресси и Муши, естественно, оказались в их лагере.

Бугурд был назначен на вторую половину дня.

Людовик отошел к своим рыцарям и сказал:

– Мессеры! Мы вместе уже несколько лет, провели две кампании плечом к плечу, я рассчитываю на Вас, Вы в полнейшем праве рассчитывать на меня. За выкуп не беспокойтесь. Ваше дело сражаться храбро и неустрашимо. Мое дело – заботиться о Вас и Вашем достатке, мои славные паладины. Наша задача сегодня – без потерь пройти Бугурд. Основное начнется завтра, можно или заработать, или потерять. Советую настоятельно присмотреться и сказать своим оруженосцам, чтобы наблюдали за особенностями конного боя Монморанси, Кресси и Муши – эти трое нам особенно важны и опасны. Самое главное суметь завалить их на второй день, а я уж позабочусь сделать так, чтобы с них слупить больше денег выкупа.

Рыцари поклонились. Вперед вышел Мишель де Нанси:

– Сир! Вы знаете всех нас. Мы всегда служили, и будем служить Вам верой и правдой! Вы можете рассчитывать на нас полностью и без остатка! Верно я говорю, мессир рыцари?

– Верно! Франция и Людовик! – Крикнули двадцать рыцарских глоток.

Людовик улыбнулся и пошел к группе рыцарей, где выделялся Гильом де Пуату. Сеньоры о чем-то весело смеялись, видимо, мессир Гильом опять написал очередную веселенькую и сальную сирвенту. Принц присоединился к ним, подождал, когда веселье несколько стихнет, и произнес:

– Мессир Гильом и Вы благородные мессир рыцари! Не кажется ли Вам, что суммы выкупов несколько смехотворны для ушей благородных, как мы, сеньоров? Может, увеличим ставки раза в три или четыре? Отобьем сразу кучу оборванцев, мечтающих обогатиться и мало чем рискующих в случае проигрыша. А, сеньоры рыцари и знатные владетели?..

– Bravo, принц! – Произнес веселый герцог Аквитанский. – Узнаю великого продолжателя дела мессира Гуго Капета! Лично я, мои рыцари и вассалы, – он оглядел взглядом, не терпящим пререканий, своих рыцарей, – согласны на Ваше, истинно рыцарское и королевское предложение. Лишь бы на той стороне, – герцог кивнул в сторону соперников, – не испугались, а то и подрасться будет не с кем. Придется вывозить своих молодцев снова в Арагон или Кастилию и громить этих нечестивых мавров. Пойду сам и поговорю с нашими надутыми соседями. Де Туар! Пойдемте со мной, будете свидетелем...

Гильом де Пуату и виконт де Туар учтиво поклонились и направились к соперникам. Не было слышно, что им сказал весельчак герцог, только вдруг в их лагере стало тихо, словно в гробнице, затем к герцогу вышел Оттон Бургундский и что-то сказал. Гильом и виконт учтиво раскланялись и пошли к ожидавшим их принцу и рыцарям.

– Ну, что сказал герцог Оттон?.. – невозмутимо произнес принц.

– Его светлость Оттон Бургундский милостиво согласился пойти на увеличение суммы выкупа в четыре раза, чем вызвал бурю раздражения у своих соратников по турниру... – с довольной grimасой на лице ответил неунывающий герцог Аквитанский.

– Вот и хорошо! Тогда, к бою, сеньоры! – Сказал Людовик и пошел экипироваться.

Снаряжение рыцаря конца одиннадцатого столетия было довольно простым, но позволяло практически полностью обезопасить себя в бою.

Сначала, надевалось чистое белье, затем слуги натягивали на тело рыцаря стеганный войлочный костюм «гамбезон», состоящий из куртки и штанов, иногда обшитых сверху мягкой кожей, и зашнуровывали все это. Вентиляции, как таковой, толком предусмотрено не было. На ноги надевались, только у состоятельных рыцарей, кольчужные чулки, которые пришнуровывались к поясу, поверх одевалась кольчуга с капюшоном-хауберком из тысяч маленьких металлических колечек, иногда несколько слоев, для большей прочности. Под капюшон подкладывали войлочный валик – чепец. Шлем у большинства был простой конической формы с наносником и кольчужной бармицей, прикрывавшей шею, если не было хауберка. Стали входить в моду шлемы несколько измененного вида, более выпуклые, у которых верхушка несколько загибалась вперед, у многих были личины или наносники с глазницами. Щиты преимущественно норманнского типа, в виде обратной капли, прикрывавшие всадника от шеи до ног. На большинстве щитов еще были круглые бляхи «умбоны», или «бюкли». Но, уже появлялись и, широко входили в моду гладкие щиты, расписанные родовыми символами и знаками. Эти знаки превратились со временем в полноценные гербы рыцарских родов. На ногах были шпоры, причем не обязательно золотые, на поясе рыцаря находился кошель с деньгами для выкупа, и висели шнурки, крепившиеся к рукоятям меча и кинжала «божья милость» с тонким и узким, чаще всего треугольного сечения, жалом. Копье – ланс было типичным, с ромбовидным наконечником для боя или тупой колотушкой для турнира. Мечи были стандартными, особенно ценились немецкие, или тевтонские, мечи. Палицы и шестоперы оборачивались войлоком для уменьшения риска травм рыцаря-соперника.

Цветами хозяев турнира и защищавшихся рыцарей были выбраны опускающиеся слева направо красно-золотые полосы дома виконта де Бурж. У соперника главный флаг был в цветах герцога Бургундии: опускающиеся слева направо сине-золотые полосы. Остальные рыцари и сеньоры – участники прикрепляли красный или синий флажки, в зависимости от цвета команды.

На огромном и ровном, словно большой обеденный стол, поле возле города Бурж были построены огромные навесы с несколькими рядами лавок для зрителей, судей, герольдов, распорядителей и участников предстоящего турнира. Главным призом было древнее знамя великого Хлодвига, первого короля франков, одного из виднейших представителей ушедшей династии Меровингов. Это знамя, по преданию, было вручено королю после крещения в Орлеане одним из первых франкских епископов. Принцу Людовику ужасно хотелось выиграть этот, благороднейший и имевший сильнейший религиозный вес, флаг по нескольким причинам. Первая, Людовик – позднее французское имя Хлодвиг. Второе, Орлеан – один из главнейших и важнейших городов-крепостей в королевском домене. Вернуть священную реликвию на историческую родину, было просто крайне необходимо сделать любой ценой.

Герольд объявил открытие турнира, еще раз перечислил имена и титулы участников, все это заняло более двух часов. После чего он переломил жезл и крикнул:

– К бою! Бугурд, время пришло!!!

Две большие массы рыцарей сначала неспешно, затем, все быстрее и быстрее, стали разгонять своих боевых коней друг на друга, причем, перед началом бугурда, рыцари перестраивались, выбирая себе противника. Людовик выбрал герцога Бургундии, помнящего обиду за своего сына, которому заехал на одном из турниров палицей принц. Герцог Гильом Аквитанский выбрал графа де Бар, виконт де Туар выбрал графа де ла Марш, своего соседа и постоянного врага, Годфруа де Леви выбрал противником графа де Вандом, виконт Буржский в соперники выбрал графа де Макон. Граф Мишель де Нанси, коннетабль отряда принца выбрал самого Бушара де Монморанси, его кузен де Мёлан, де Муши и Гуго де Кресси достались двум сеньорам из окружения герцога Аквитании.

– Молодец, Мишель! Не побоялся броситься прямо на бешеного быка! – Восхитился смелостью и выбором де Нанси Людовик.

Отряды столкнулись, послышался треск ломающихся копий, ржание боевых коней и площадку заволкло пылью, поднятой сотнями копыт. Когда пыль немного осела, оруженосцы под строгим присмотром герольдов и распорядителей турнира кинулись поднимать своих выбитых из седел хозяев. На земле оказались: герцог Бургундии, граф де ла Марш и граф де Макон. Из отряда принца выпали из седел Годфруа де Леви и противники мессиров де Мёлан и де Кресси. Мишель де Нанси и его соперник сломали копья, но смогли удержаться в седлах.

Противники разъехались снова, поменяли копья и щиты, если они были повреждены, и сошлись снова, потери были в основном среди простых рыцарей, но у гостей выбито из седел было больше рыцарей. Победу в бугурде присудили дому де Бурж. Героем и победителем первого дня был признан принц Людовик, выбивший первым ударом копья самого герцога Оттона Бургундского, а вторым, графа де Вандом.

Стороны разъезжались по палаткам, бросая друг на друга, косые и злобные взгляды.

К принцу подъехали несколько рыцарей и стали поздравлять:

– Поздравление нашему славному Людовику Французскому! – Мило и с улыбкой произнес герцог Гильом Аквитанский.

– Спасибо, мессир Гильом! Ваша похвала особо дорога для меня! – Также вежливо ответил принц.

Рыцари поговорили немного о завтрашнем дне и разъехались по своим палаткам. Шатер у принца напоминал встревоженный улей, рыцари рассказывали друг другу о своих ударах и защите. Людовик вошел, шум несколько утих, и он сказал:

– Лично от себя хочу поблагодарить мессира де Нанси за отвагу в выборе противника. Остальные, не в пример Вам, Мишель, стали разбирать противников по силам. Забыли о Кресси, Мёлане и Муши! Завтра эта Ваша слабость может вылиться нам в большие проблемы...

– Простите, сир! Но наши оруженосцы специально следили, как Вы и советовали, за особенностями манеры конного боя этих сеньоров и выяснили некоторые особенности каждого из противников... – покраснев от смущения, произнес Годфруа де Леви.

– Молодец де Леви! – похвалил его принц. – Не переживай, что выпал из седла...

– Как не переживать, Ваше высочество. Вы изволили доверить мне участие в турнире, а я вас подвел и проиграл конный бой! – с горечью ответил Годфруа.

– Это ерунда, Годфруа! Мне сказали люди из свиты герцога, что у тебя просто споткнулась лошадь, столкнувшись с лошадью мессира де Туара. Ты потерял равновесие в самый ответственный момент боя, только и всего... – успокаивал де Леви Мишель де Нанси. – У меня самого такой случай был...

– Наплюй и разотри! – Усмехнулся принц, похлопав де Леви по плечу. Людовик повернулся к рыцарям и сказал. – Великолепно! Сейчас отдыхайте, а поутру расскажете, что узнали о них, всем рыцарям нашего отряда. Вы все свободны...

Годфруа поклонился, и резкая боль в ребрах заставила его тихо ойкнуть...

– Что такое?.. – Людовик поддержал его под руку. – Что, ребра?..

Годфруа поморщился и кивнул головой.

– Так! Лекаря! Живее! – Крикнул принц слугам. Он повернулся к рыцарям и сказал. – Очень жаль, мессир, но у нас уже появились первые потери. Годфруа, боюсь, выбыл из нашей гонки за главным призом турнира...

Рыцари ушли и принца стали раздевать слуги. Это была довольно долгая и нудная процедура, принц вылез из одежды весь мокрый и пропахший потом и войлоком. Для него, как и для большинства рыцарей приготовили большие бочки с теплой водой для купания, куда он с наслаждением окунулся. Тело принца гудело от мощных ударов копий поверженных противников, несколько неприятно покалывало правое плечо, Людовик опасался вывиха и пригласил специально выделенного мессиром виконтом Буржским массажиста и костоправа. Тот быстро и шустро размял беспокоящую принца руку, сняв неприятные покалывания в плече:

– Ничего страшного, Ваше королевское высочество. Немного перенапрягли плечо, на ночь соизвольте намазать плечо медом и обернуть холстиной, к утру все будет в порядке...

– Спасибо, милейший, – ответил Людовик, все мысли которого занимал главный приз и сеньоры Монморанси, Мёлан, Кресси и Муши. – Прошу вас, осмотрите, пожалуйста, вот этого сеньора. Мне кажется, у него что-то с ребрами. Он неудачно выпал из седла...

Лекарь подошел к Годфруа, слуги аккуратно раздели рыцаря. Лекарь пощупал его, вздохнул:

– Дело плохое, но, не опасное. Ребро сломано. Сейчас мы его поправим и поставим на место, которое ему Господь предписал...

Он резко вправил сломанное ребро. Годфруа скрипнул зубами, слегка застонал.

– Все, ваше высочество! – Лекарь повернул голову к принцу. – Рыцарь через пару недель будет здоров. Пока же, умоляю, пусть он позабудет о резких движениях...

– Спасибо, милейший лекарь, – ответил принц, – даже и не знаю, что бы мы делали без вас. Спасибо. Вот, примите от меня...

Он протянул лекарю небольшой кожаный кошелек с серебром.

– Спасибо, сир... – поклонился лекарь. – Но, мессир виконт и так достаточно платит мне...

– Вы обижаете меня, мэтр! – Нахмурил брови Людовик. – Грешно отказываться от руки дающего...

Лекарь весело засмеялся, поклонился, взял кошель:

– Простите, сир. Грешен, ей Богу, грешен. Для меня честь принять кошель, украшенный королевской лилией. Этот подарок будет храниться в моем роде до скончания веков!..

Людовик кивнул ему. Лекарь удалился...

– Ну, сорванец, теперь твое дело только отдыхать и петь. Будешь ходить и смотреть...

– Придется, сир... – вздохнул Годфруа.

Вечером виконт накрыл большой праздничный стол для участников турнира, но принц под предлогом небольшой травмы (пусть позлорадствуют) отказался и попросил подать ему и его рыцарям в его палатки. Никто и не обиделся, видимо так было нужно Его высочеству Людовику Французскому.

– Сеньоры рыцари, у меня не было ни малейшего желания сидеть и выслушивать пустую болтовню наших владетельных соседей. Прошу всех к столу. Надо, как следует, перекусить на сон, грядущий и обсудить замеченные рыцарем Годфруа де Леви и оруженосцами особенности ведения конного боя нашими главными противниками.

Все сели за стол, помолились и, принявшись с аппетитом за еду, стали обсуждать увиденное. Из разрозненных, но, в общем и целом, похожих между собой наблюдений, Людовик и его рыцари вынесли следующее.

Бушар де Монморанси практически неуязвим. Его посадка крепкая, он не заваливается на бок при галопе, уверенно защищается щитом от удара лансом.

Его кузен, граф Робер де Мёлан, недостаточно уверенно прикрывает тело щитом, тот частенько сползает на колено, приоткрывая живот, копьё несколько подрагивает при галопе.

Дрё де Муши практически неуязвим, за исключением того, что иногда он немного заваливается на правый бок при галопе.

Гуго де Кресси отменно прикрывает тело щитом, но копьё держит несколько слабовато, можно попытаться сделать «месяц» своим копьём, отклонить его копьё и ударить в шлем. Только исполнить этот прием может настоящий и опытный боец, жаль, что мессир Антуан де Сент-Омер уже староват для этого и его нет рядом.

– Прошу прощения, сир! Разрешите, я попробую сделать этот финт с мессиром де Кресси! – предложил Мишель де Нанси. – Ежели меня раньше не затребует Монморанси и не выбросит из седла...

Людовик задумался, де Нанси был его, пожалуй, самым наиболее опытным и подготовленным воином, но риск стоил игры:

– Спасибо, мой верный Мишель! Забирай де Кресси и вышибай из него дух! Я позабочусь о том, чтобы Монморанси было не до тебя!

Рыцари весело засмеялись и принялись за пищу. Вскоре они все разошлись по своим палаткам, оставив принца одного со своими мыслями. Людовик налил большой кубок вина, прилег на шкурах в шатре и, как-то незаметно для себя, заснул...

VI ГЛАВА.

Рыцарский турнир в Бурже.

Второй день.

Бурж. 25 августа 1100 года.

Наступил второй день турнира в Бурже. Сегодня должны проводиться тьосты. Оруженосцы рыцарей сновали возле щитов соперников и прикалывали к щитам символы и значки поединщиков. Простым рыцарям нечего было рассчитывать в первом же бое столкнуться с богатым и родовитым сеньором, если повезет, то в лучшем случае во втором или третьем круге.

Сеньоры выбирали равных по титулам и именам. К щиту принца приколоть значки было мало желающих, все помнили вчерашние успехи Людовика.

Принц проснулся, настроение его было прекрасным. Он истово помолился за свой сегодняшний успех и попросил Святых Людовика и Дени помочь ему вернуть главный приз в Орлеан.

Второй день турнира был таким же солнечным, но благодаря ветерку, не таким жарким, как вчера. Людовик шурился от яркого света, сидя и завтракая в одиночестве. Ему нравилось частенько бывать одному, когда никто и ничто не отвлекает его от раздумий. Прошел где-то час, возле палаток стало нарастать оживление. Рыцари и оруженосцы обсуждали вызовы, посланные или принятые ими. Людовик хотел, было выйти и послушать внимательнее, что творится в лагере, как вдруг к нему влетел Годфруа де Леви и, запыхавшись, сообщил:

– Ваше высочество! Значит так, по порядку. На щит Вашего высочества приколоты два значка: герцога Оттона и мессира де Монморанси, надо же, какая наглость...

– Не тебе, Годфруа, обсуждать действия благородных! – С деланной резкостью сказал принц, хотя ему понравилась реакция рыцаря. – И вообще, я же сказал тебе, чтобы ты ходил по лагерю, а не бегал! Забыл уже о своих сломанных ребрах! Дальше что?..

– Мессир де Нанси договорился о бое с Гуго де Кресси...

– Доброе дело, де Нанси!..

– Виконт де Бурж скрестит копыя с графом де Мёлан, виконт де Туар с графом де Бар, а я буду драться с Дрё де Муши.

– Неплохо.... Только, ради Бога, будь осторожней!..

– Наши рыцари разобрали графов де Вандом и де ла Марш, аквитанцам перепал граф де Макон, местные и наши разобрали почти всех бургундцев и остальных сеньоров...

В это время полог палатки приоткрылся и в нее вошел улыбающийся, как всегда, герцог Гильом Аквитанский, граф де Пуату.

– Только, ради бога, принц, не вставляйте, мне надоели все эти ужимки и манеры.... У меня маленькая просьба к Вам, так, сущая безделица...

– Весь во внимании, дорогой мой герцог... – улыбаясь, ответил Людовик.

– Прекрасно... тогда сразу перейдем к делу. Отдай мне герцога Бургундского, пожалуйста... Ты ведь и так вчера ухайдакал его, по самое «не могу». А я отдам твоим молодцам право выбора в остальных кругах тьостов. Уж очень мне хочется поколотить этого болтуна и пустомелю Оттона...

– Ради бога, герцог! Вы могли даже и не спрашивать меня. Для Вас я готов сделать что угодно! – Вежливо ответил Людовик.

– Благодарю, принц! Клянусь, что не пройдет и года, как я сторицей отплачу Вам и Вашему роду добротой и помощью. Я уже пару раз помог вашему батюшке Филиппу, моему сюзерену и приятелю! Тулуза теперь моя!.. – Ответил герцог и крепко пожал протянутую принцем Людовиком руку.

Раздался звук трубы, извещающей о необходимости экипировки рыцарей – участников турнира. Работа возле палаток закипела снова, как и вчера. Теперь рыцарям можно было надевать свои личные цвета в соответствии с гербами, которые во Франции разрешил использовать для отображения знатности сеньора король Филипп.

– Вроде удача пока ко мне лицом! – Резюмировал принц и пошел вооружаться.

Первыми тьосты открывали простые и менее знатные рыцари, зрителей собиралось много, но не так, как на тьосты с участием главных действующих лиц – принца, герцогов и графов.

Рыцари попарно сталкивались и уже появились первые раненые, правда, большинство пострадало от ударов при падении с лошадей. Ушибы, ссадины и переломы, все это было обычным результатом военных ристалищ.

– Ваше высочество! Скоро наша очередь! Пойдемте, посмотрим на де Нанси. – Предложил Годфруа.

– Нет, иди сам! Потом расскажешь, когда я буду садиться в седло... – апатично сказал Людовик. Он сильно переживал за всех своих рыцарей, нет, ему не было жалко денег на возможный выкуп, он боялся просто их потерять....

Стали возвращаться его рыцари, сегодня не повезло семерым, но остальные тринадцать прошли своих соперников.

«Слава богу, что все живы!» – как-то по-отечески подумал Людовик. Он с интересом стал наблюдать за развитием событий на турнире. Принц услышал звук трубы и объявление герольда о начале поединка между де Нанси и де Кресси. Людовик не выдержал и подъехал ближе к полю, чтобы подробнее рассмотреть ход поединка на копьях.

В левом углу от принца находился Мишель де Нанси, внешне спокойный и невозмутимый, тем не менее, было заметно, как он немного поддает шпорами в бока своего боевого коня германской породы ослепительно белого цвета, прикрытого попоной в зелено-лазурных волнах его родового герба.

На другом конце ристалища находился мессир Гуго де Кресси на гнедом иноходце испанских кровей под попоной в сине-красные ромбы, конь его бесновался и норовил встать на дыбы.

«Позёр!» – Подумал принц, глядя на соперника де Нанси.

Распорядитель ристалища махнул флагом, зрители на трибунах притихли, и всадники понеслись навстречу друг другу.

Людовик привстал на стременах и впился глазами в несущихся рыцарей. Он увидел, что мессир де Нанси немного заваливается назад, но, переведя глаза на его соперника, несколько успокоился. Гуго де Кресси, пытаясь все-таки совладать со своим необузданным конем, несколько ослабил хват его копья, и его кончик начал немного покачиваться в такт хода его коня.

«Ну! Давай! Не упusti момент, Мишель!» – Чуть было не закричал принц от возбуждения, но сдержал эмоции, kloкотавшие в нем. Людовик, увидел, как Мишель де Нанси наклонился вперед, прикрывая тело и часть своего шлема щитом, и выставил чуть вперед и в сторону правую руку с копьём.

«Он решился!.. Боже, помоги ему!» – Взмолился Людовик.

И вот, когда расстояние между всадниками практически сократилось, Мишель резко повел своим лансом влево, слегка ударив по копыту Гуго, а затем, малым полукругом направо направил ланс в шлем противника...

Тупой турнирный набалдашник ланса Мишеля де Нанси попал прямо в середину личины шлема Гуго де Кресси и треснул от удара страшной силы, рассыпавшись на кучу щепок. Гуго, словно птица, взмахнул своими руками, роняя на землю сой ланс, и выпал из седла своего гнедого коня, несущегося на полном скаку. Раздался грохот падающего, в кольчуге и доспехах, тела, но оно не остановилось, а продолжало волочиться, вздрагивая на каждой кочке. Одна нога несчастного соперника застряла в стремях его коня. Герольды и оруженосцы бросились наперерез несущему животному и не сразу смогли его остановить. Гуго был сильно контужен, он сломал несколько ребер при падении. Но, самое страшное было не это! Он становился заложником человека принца и, лишившись коня и доспехов, обязан был заплатить выкуп в размере восьми тысяч турецких ливров серебром!!! Это был позор, ужас и разорение!!!

Гуго лежал в пыли, каждый вдох доставлял ему сильные страдания и боль, но он сдерживал себя от стога – рыцарю нежеже показывать прилюдно слабость. Он открыл веки и увидел склонившегося над ним Мишеля де Нанси.

– Как Вы себя чувствуете, мессир Гуго? – Побеспокоился тот.

– Достаточно хорошо, чтобы рассчитаться с Вами за мою неудачу еще до исхода завтрашнего дня, мессир граф де Нанси. – Хрипло, с надрывом, ответил Гуго.

– Я не настаиваю, граф де Кресси. Прошу завтра прислать своего оруженосца в палатку Его высочества Людовика Французского, моего сюзерена и владыки... – отвесив поклон и развернув коня, сказал Мишель и поскакал в сторону лагеря принца.

Людовик увидел графа де Нанси, направляющего в лагерь, и когда тот приблизился к нему, окликнул:

– Мессир де Нанси! Примите мои поздравления!!!

Граф увидел принца, подъехал и радостно поприветствовал:

– Спасибо, сир! Я смог провести этот прием лансом! Вы не поверите, но я ни капли не нервничал, просто спокойно гнал коня и ждал момента, когда Гуго качнется...

– Молодец! Да, поздравляю Вас с заслуженно добытым конем и латами, ну и, конечно же, – выкупом! Шесть тысяч ливров серебром – это достойная сумма! Можно прикупить землю и плохонькую башню! Еще раз поздравляю, граф!

Мишель развел руками и произнес:

– Нет! Мне не нужны никакие земли и башни кроме тех, которые я приму из Ваших, мой принц и сюзерен, рук! Можете располагать выкупом и призом по своему усмотрению! Мое решение окончательное... Я, как коннетабль, обязан подумывать и о средствах на экипировку новых рыцарей Вашего высочества!

Мишель еще раз поклонился и поехал в лагерь, чтобы готовиться к новому бою.

«Вот истинный паладин! Ничего не пожалею в этом мире для Мишеля!» – С улыбкой, вслед уезжающему графу, подумал Людовик.

– Ваше высочество! Скорее к ристалищу! Сейчас объявят Ваше участие! – сообщил подбежавший и запыхавшийся оруженосец принца.

– Да еду, еду, не беспокойся... – буркнул довольный принц.

Вокруг него сразу засуетились оруженосцы и слуги, еще раз проверяя правильность и удобство подгонки снаряжения, и подтяжку подпруги его боевого рыжего першерона. Людовик махнул рукой, приказывая им успокоиться и отстать от него с этой суетой, пришпорил коня и направился в отведенный ему угол ристалища.

Его уже ожидал соперник. Было видно, как он нервничает, то и дело, напрягая удила своего коня. Принц улыбнулся, снял с головы шлем и, под восторженный рев толпы зрителей, спокойно и величественно объехал по кругу все ристалище.

«Веселишься! Ну, так я тебе сейчас устрою такое веселье, что даже твой коронованный папаша поперхнет от желчи!» – Негодуя решил Бушар де Монморанси.

Сегодня он был страшно шокирован и разгневан снисходительным и, как показалось ему, несколько высокомерным заявлением герольда принца Людовика.

«Принц Людовик, наш повелитель, соизволив уступить мессире герцогу Гильому право поединка с мессиром герцогом Оттоном, милостивейше решил позволить Вам скрестить ланс со своей персоной, ибо, при отсутствии более подходящих ему по титулу и крови соперников, был вынужден брать первого пожелавшего рыцаря...»

– Это я, первый пожелавший!!! – Раскрасневшись, словно бык, ответил герольду Бушар.

Сейчас он уже немного успокоился и решил попытаться наказать строптивного и высокомерного принца в поединке, победив и унизив его перед сотнями зрителей и участников турнира. Но вид улыбающегося и, казалось, словно издевающегося над ним Людовика, снова вывел де Монморанси и состояния равновесия и покоя, так необходимого перед поединком. Он толком ни о чем не мог думать, весь мозг был наполнен злобой и ненавистью к этому молодому выскочке-принцу.

Людовик проезжал мимо Бушара де Монморанси, улыбаясь и приветствуя зрителей, он весело улыбался, махал рукой и посылал воздушные поцелуи дамам. Это еще больше заводило де Монморанси. Добило же его окончательно, когда принц, словно мимоходом, просто кивнул ему, словно он, глава грозного и могущественного рода, был каким-то низкородным!

Рыцари заняли свои положенные места и стали ждать сигнала к началу поединка.

– Он завёлся! Он злится! Это просто здорово! – Улыбнулся принц, бесспорно несколько опасаящийся столь сильного конника, каковым считался мессир Бушар. Людовик еще раз повел левым плечом, проверяя надежность крепления его щита, повертел лансом в правой руке и сосредоточился на противнике.

Конь под Бушаром вертелся, как ужаленный, было видно то, что его противник нервничает, изводя животное шпорами.

Раздался сигнал трубы. Всадники стали разгоняться навстречу друг другу. Посадка Бушара в седле была уверенной, как и описывал Мишель де Нанси. Людовик заметил, что де Монморанси несколько плотно прикрылся своим большим вытянутым щитом, поставив его достаточно удобно для Людовика. Принц решил провести удар на силу, свой же щит он несколько наклонил под небольшим углом, чтобы ланс соперника вскользь прошел по нему, не нанося сильного удара принцу. Лошади уже разогнались и перешли на боевой галоп. Людовик сел плотнее в седле, подобрал под левую руку уздечку, убрав всю слабину. Он был готов нанести удар. Противник, не меняя положения своего щита, нёсся на него на полном скаку.

Удар страшной силы пришелся одновременно в обоих соперников. Людовик, несмотря на то, что смог отвести почти всю силу удара в сторону, только чудом удержался в седле. Бушару де Монморанси досталось сильнее. Точный удар принца в середину его щита страшной силой вырвал Бушара из седла и швырнул на землю. Он, неуклюже размахивая руками, словно во сне, перевернулся в воздухе, видя пролетевшего на коне мимо него принца, и крайне неудачно плюхнулся на поляну ристалища.

«Конец! Позор! Какой позор!!!» – Придя в себя после падения, шептал де Монморанси.

К нему быстро подбежали его слуги и распорядители турнира. Он, отшвырнув слуг, встал и, пошатываясь, пошел к своему коню.

– Великолепнейший конь, мессир де Монморанси! Он будет моим подарком одному из оруженосцев моей свиты, как раз сегодня посвященному по моей просьбе герцогом Гильомом в рыцари! – Засмеялся, подъехавший к нему, принц Людовик. – Да, осмелюсь Вам напомнить, что послав мне вызов на поединок, Вы приравнили себя к высшему разряду участников турнира, что влечет за собой более крупные издержки. Мой верный оруженосец Ромуальд, Вы должны его помнить, это он передал моё согласие. Так вот, я жду сегодня, до начала вечерней службы в церкви, все причитающиеся мне боевые трофеи и восемь тысяч серебром! В противном случае... В общем, Вы знаете, что бывает в подобных случаях...

Все потемнело в глазах де Монморанси. Он был раздавлен и унижен:

«Кто меня дернул вызывать этого прощелыгу на поединок! Сам виноват, расчувствовался от писем Алисы, решил отомстить и наказать прилюдно обидчика, а наказал и опозорил себя!»

Он смотрел в спину уезжавшего принца и обреченно махал головой.

Людовик спокойно доехал до своей палатки, слез с коня и приказал конюхам немного попоить и почистить своего верного першерона. Он сел на стул и Ромуальд принялся проверять исправность его кольчуги, шлема и всего остального вооружения.

– Слава богу! На кольчуге нет ни единого разрыва, щит мы заменим. Вон как прошелся своим лансом, хоть и тупым, мессир Бушар! Эх, славно Вы, Ваше высочество, отделали своего соперника! – Приговаривал, проверяя экипировку принца, оруженосец. После недавнего нагоняя от Людовика Ромуальд стал, более внимательно, следить за своим «языком».

– Да, кстати, как тебе его кольчуга и все остальное вооружение? – Поинтересовался Людовик у Годфруа, признанного «модника», прозванного принцем так после случая с новомодным шлемом и желтым сюркотом. Он стоял рядом с Людовиком.

– Кольчуга, как успел разглядеть во время мимолетного разговора с мессиром де Монморанси, у него отличная, трехслойная, скованная из мелких колечек, не стесняющая подвижность, скорее всего, сделана в Италии. – Со знанием дела ответил Годфруа.

– Вот её ты передашь от меня в подарок нашему самому глазастому из рыцарей, то есть себе. Ты сегодня, как я услышал из разговоров прислуги возле палаток, сильно порвал свою старенькую кольчугу. Она тебе ведь в пору, не так ли, Годфруа?

– Истинно так, Ваше величество! В самый раз, они ведь практически одной комплекции будут с мессиром Бушаром... – кивнул головой рыцарь.

– Сам, наверное, еще хочешь поучаствовать, а? – Подмигнул глазом принц.

– Да... – вздохнул Годфруа.

– Ничего, завтра и твое время придет! Верь мне! – Хлопнул его по плечу Людовик.

– Надеюсь! – улыбнулся Годфруа. – А какой вы щит возьмете?

– Посмотри этот, может, он не треснул, как-то неохота менять победные вещи... – уклончиво ответил принц.

– Э, Ваше высочество! Да Вы, никак, стали суеверным... вот дела! – Хитро усмехнулся Годфруа.

– Ага! Ты теперь мне, при случае, обури его у какой-нибудь ведьмы! – захохотал Людовик.

– Прости господи! Ну и понесло же нас куда! – перекрестился набожный рыцарь.

– Ладно, скажи мне лучше, кем бы нам заменить нашего славного Ромуальда, посвященного сегодня по воле герцога в рыцари? – Спросил у Годфруа принц.

– А вон, видите... возится возле Вашей лошадки оруженосец, – показал Годфруа в толпу суеющейся возле коня принца прислуги, – ну, такой в синей куртке...

– Вижу... и что?

– Это Анри-Лотарингец. Он серв Вашего батюшки, родом из Лотарингии... его еще ребенком король Филипп, Ваш отец, привез из своего похода к границе Империи. Сирота. А уж как он в седле держится и оружием владеет, загляденье!

– Серв говоришь... Это ничего. Твои предки ведь тоже были сервами, теперь стали свободными слугами моего отца. – Сказал принц. – После турнира напомни мне о нем, что-нибудь придумаем...

Второй день турнира закончился благородным конфузом... В финал вышли принц и мессир герцог Гильом Аквитанский, граф де Пуату. Соперники разъехались по углам ристалища, потом разом, словно договорившись, на полном скаку выбросили свои лансы, подъехали друг к другу и... обнялись!

Судьи, герольды и распорядители турнира ничего не смогли предпринять, кроме того, что объявили победителями турнира в тьостах двух рыцарей. Его высочество, Людовика, принца короны, и мессира Гильома, герцога Аквитании и графа Пуату.

Венчал окончание второго дня турнира большой пир, где на почетном месте сидели двое победителей тьостов. Среди всеобщего шума и веселья герцог наклонился и сказал на ухо Людовику:

– Смотрите, принц, как бы наш сегодняшний «жест» завтра не вышел нам обоим боком!

– Не понял, о чем это Вы? – Заинтересовался принц.

– Ну, как же! Мы сегодня выиграли на двоих просто уйму денег. Кстати, с Вами успели уже рассчитаться? – Хитро улыбнулся Гильом.

– Да... почти... – ответил Людовик.

– Вот и со мной тоже... почти...

– Многие горят желанием отыгаться завтра в одиночных видах пешего боя. А некоторые, – герцог Гильом перевел взгляд на край длинного стола, где находились Монморанси, Мёлан, Кресси и Муши, – горят желанием отыгаться, как я слышал из достоверных источников, позднее... на Ваших землях, или монастырях.

– Спасибо, дорогой герцог. Ваша искренняя дружба – честь для меня...

– Просто часто бывает так, мой друг, что интересы власти... Ну, да не будем сегодня о серьезном! – Улыбнулся Гильом и, встав, громко произнес на весь зал:

– Приношу извинения мессир герцогу Бургундии за то, что испросил соизволения у принца Людовика уступить мне право скрестить ланс с мессиром Оттоном! Прошу также весь зал свидетельствовать мне, что мессир Бушар де Монморанси, бросив вызов принцу, сам приравнял себя к высшему рангу дворянской иерархии Франции, что само по себе большая смелость и наглость! – В зале поднялся небольшой шум и оживление. Герцог продолжал. – Я, естественно, в хорошем смысле, но ежели мои слова нанесли кому-либо из присутствующих сеньоров обиду, готов в любое удобное время, уже с боевым лансом и мечом, доказать правоту своих слов!

Зал притих, ожидая развязки. Герцог же продолжал:

– Сегодня, во время турнира, я наблюдал за ходом схваток. Находясь в прекраснейшем настроении, я сочинил небольшую сирвенту назидательного и сатирического характера. Её я и хочу представить сейчас, если зал не возражает, Вам на утеху.

Виконт де Бурж встал и произнес:

– Просим Вас, герцог Гильом!

Зал подхватил, зная способность герцога к веселому сочинительству сирвент и басен.

Гильом улыбнулся, развел руками, прося присутствующих сеньоров успокоиться, и, дождавшись тишины, начал в стихах рассказывать свою новую сирвенту. Смысл ее сводился к спору свиньи и соловья, изобиловал кучей шуток эротического характера, которые особенно нравились гостям турнира, вызывая приступы оглушающего хохота. Между строк было понятно, кого имел в виду герцог в роли свиньи.

После окончания сирвенты зал долго хлопал и просил герцога исполнить еще что-нибудь из его творений, но Гильом ответил:

– Я считаю, что на сегодня достаточно! Сеньоры, прошу меня простить, несколько устал!

Людовик заметил, что среди гостей не было видно Монморанси с кузеном, графом де Мёлан, Гуго де Кресси и Дрё де Муши. Он махнул рукой и весело включился в разговоры собравшихся рыцарей за столом. Наступал третий день турнира...

Он не знал причину их спешного отъезда.

Вечером, к графу Роберу подошел неизвестный человек, который протянул графу небольшое письмо. Граф взглянул на свиток. Большая королевская печать Завоевателя красовалась на ней. Робер быстро вскрыл письмо, пробежал его глазами и кивнул. Неизвестный человек в костюме зажиточного горожанина поклонился. Это был Гуго де Биго младший. Он вышел из общей залы, среди всеобщего веселья и шума никто не заметил его прибытия и передачи письмо графу де Мёлан.

Робер де Мёлан о чем-то быстро переговорил с Монморанси, Кресси и Муши, после чего все четверо покинули в спешке дворец. Спустя небольшое время, они уже мчались на своих быстрых конях из Буржа...

VII ГЛАВА.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ТУРНИРА В БУРЖЕ.

Бурж. 26 августа 1100 года.

Всю ночь Людовику мешала спать, недосказанная герцогом Гильомом Аквитанским, фраза о друзьях, врагах и интересах власти.

«Что же он хотел все-таки мне сказать, прежде чем осёкся?» – Размышлял принц. Он плохо выспался и проснулся в несколько разбитом состоянии. Людовик наскоро умылся, сотво-

рил обязательную молитву и позавтракал безо всякого аппетита, чем вызвал море переживаний у своей прислуги, сразу же забеспокоившейся, не заболел ли, случаем, принц. Людовик ворчливо отогнал от себя всех, оставив лишь одного Годфруа де Леви, которому с каждым днем доверял всё больше и больше.

– Скажи мне, Годфруа, как тебе показался мессир герцог Аквитанский? – Неожиданно спросил его принц, задумчиво чертя небольшим кинжалом на деревянных досках стола какой-то узор.

– По правде сказать, не пойму я его никак, Ваше высочество. Иногда мне кажется, что преданней и бескорыстнее вассала надо еще поискать, а иногда... – ответил Годфруа, разведя руками в стороны.

– Что иногда? – Заинтересовался принц.

– Так ведь вот в чем загвоздка, я все никак не уразумею, зачем это ему помогать нам, коли, он так далеко проживает от Вашего домена?

– Ну и дурень ты еще, Годфруа! Герцог наш вассал, притом один из преданнейших. Его, также, как и нас, беспокоят часто одни и те же проблемы. Исходя из своей выгоды, но, не идя на нарушение вассальной клятвы, герцог добивается многого. Это и есть политика! – Сказал Людовик, и его осенила догадка, разом объясняющая поведение герцога Аквитании.

– А какая ему выгода сейчас? – Живо заинтересовался Годфруа.

– Самая простая! Видимо его, также, как и нас, беспокоила, и будет беспокоить многократное усиление графа Тулузы и всего рода Сен-Жиль. Это первое. Думаю, что герцогу приятнее видеть на землях Буржа королевские лилии, от которых можно не ожидать пакостей и паскудств, нежели гербы Бургундии, Нормандии, каких-нибудь разбойников, типа де Пьюзе или Монморанси, но самое страшное – это король Англии! Вот, скорее всего, вторая и главная причина такого теплого и дружественного отношения герцога в последнее время.

– Эх, куда Вы загнули, Ваше высочество! Ну и голова у вас! Вот, что значит королевская кровь! – Восхитился рассуждениям принца Годфруа.

– Ну, причем здесь кровь, Годфруа! Надо просто спокойно посидеть и пораскинуть мозгами! Все ответы, рано или поздно, придут сами. – Назидательно сказал ему принц.

– Думай, не думай, только если ты сын простолюдина, до такого не додумаешься. – Не унимался Годфруа.

– Баран упертый! Еще раз услышу от тебя эти «простолюдинские» бредни, повелю хорошенько высечь! – улыбнулся Людовик, видя, как оторопел его собеседник. – Ты уже несколько лет, как рыцарь, а говоришь, как серв...

– Вот, так всегда! Чуть что, сразу сечь меня, словно собаку какую-то. – Проворчал, шутливо изображая обиду, Годфруа.

– Ты никак не хочешь понять, что мои слуги, тем более оруженосцы, уже не совсем простолюдины! Сам факт такого услужения принцу королевской крови уже приравнивает их к простому рыцарю! Все остальное – в твоих руках, тупоголовый и упертый Годфруа! – Весело захохотал Людовик. – Всё! Хватить треп разводить! Пора нам готовиться к пешим поединкам. Ты помнишь, я надеюсь, что нам, кровь из носу, надо завоевать главный приз турнира?

– Да, Ваше высочество! Помню. Священная хоругвь Хлодвига Меровинга... – спокойно ответил его оруженосец.

– Так давай тогда, иди и скажи Ромуальду, пусть быстрее тащит кольчугу и всё необходимое!..

Годфруа быстро выскочил из палатки, оставив принца наедине со своими мыслями. Людовик услышал громкие и шустрые команды своего рыцаря и, вскоре, в палатку вошли несколько его слуг, бережно неся всё необходимое. Облачение принца прошло быстро, можно сказать, даже буднично. Сказывалась длительная подготовка оруженосцев и прислуги, наученная походами Его высочества.

Облачившись в кольчугу, Людовик посоветовался с Годфруа:

– Чем советуешь сегодня биться, верный рыцарь?

– Вы, ваше высочество, одинаково приспособились ко всем видам оружия. На сегодня, мне кажется, лучше выбрать поединок на мечах и шестоперах. Секиру и цепник выбирать не станем. Каково ваше мнение? – Тонем знатока ответил Годфруа.

– Меч и палица... неплохо! – Согласился с выбором оруженосца Людовик.

Годфруа указал слугам оружие. Слуги подали принцу на выбор несколько мечей. Выбор пал на немецкий с рукоятью в полторы руки меч и крепенький бургундский шестопер.

– Все, иди к герольдам и подай от моего имени заявку на два поединка... – похлопал Годфруа по плечу принц.

– Мигом обернись, Ваше высочество! – Засмеялся Годфруа и побежал в сторону судей турнира.

Людовик и еще двое его рыцарей, де Нанси и де Шомон, неспешно направились к турнирному полю. Впереди них шли герольды принца, высоко держа вымпелы Франции, Буржа, мессиров де Нанси и де Шомон, решивших биться на стороне принца на шестоперах, мечах и секирах.

– Ваше высочество! – сказал Ангерран де Шомон, молодой рыцарь из отряда Людовика. – Позвольте мне, Вашему покорному слуге, выступить на мечах и секирах, коими мне более сподручно работать...

– А мне, сир, на мечах и шестоперах. – Присоединился спокойный и невозмутимый де Нанси.

– Благодарю за участие, мои верные и храбрые паладины. Ваш выбор делает честь любому рыцарю... – ответил принц своим товарищам.

Они подошли к полю, где уже начиналась жеребьевка участников одиночных боев. Не все рыцари, участвовавшие в первые дни турнира, решились на продолжение. Людовику выпал жребий сразиться на мечах с графом де Бар, на шестоперах с виконтом де Туар. Его спутникам выпали в качестве соперников герцог Бургундии и аквитанский рыцарь Готье де Монпеза. С ним будет драться де Нанси. Ангеррану де Шомон на мечах выпало биться с нормандцем де Лонгвиль, на секирах с графом Бернье де Ла Марш.

– Вот, господа, ваши соперники... – указал в сторону нескольких рослых рыцарей принц.

– Чудненько... – потер руки в предвкушении хорошей драки де Шомон.

– Мессирь! Хватит пегушиться, будьте серьезней! Противника необходимо любить и уважать! – Сказал Людовик.

– Уважим, не извольте беспокоиться... – спокойно ответил громила де Шомон. Людовика всегда поражало какое-то громадное спокойствие и чувство уверенности, излучаемое этим огромным потомком его верных вассалов, живущих на границе с Нормандией и привыкших к извечной напряженности и опасностям, постоянно смотрящим в лицо угрозам беспокойных северных соседей. Вот и сейчас, несмотря на всю опасность и серьезность одиночного, пусть и турнирного, но, все-таки, боя на мечах, секирах и шестоперах, молодой Ангерран де Шомон спокойно и степенно ожидал своей очереди на участие в поединках.

– Послушайте, мессир де Шомон, – обратился к нему принц, – вы, когда-нибудь, испытываете нервозность, оживление или беспокойство? Или вот так постоянно, словно каменная статуя, ведете себя...

– Бывает, сир. Особенно если обед задерживается! – Хохотнул здоровяк де Шомон.

В это время к ним подбежал Годфруа и сказал:

– Сир! Следующим будете Вы. За Вами мессирь де Шомон и де Нанси...

Сопровождающие принца рыцари удовлетворенно крикнули и потеряли руки в предвкушении славного боя.

Через некоторое время герольд объявил участников поединка на мечах:

– Благороднейший принц и наследник короны Франции, рыцарь Людовик Французский скрестит сейчас свой меч с Его светлостью графом де Бар, благороднейшим и храбрейшим воином Лотарингии!

Принц и его соперник вышли на середину ристалища и поклонились зрителям, судьям-распорядителям и друг другу.

Мессир граф де Бар был среднего роста и чрезвычайно крепкого телосложения. Лет ему было около сорока, возраст уверенного и опытного воина. На нем была надета чешуйчатая, на византийский или русский манер, броня, доходившая до колен. Шлем с железными глазницами и кольчужной бармицей, прикрывающей шею и плечи, был скорее похож на датский или шведский тип. Щит у графа был средний, круглой формы без умбона в середине, на котором красовался герб рода де Бар: два золотых осетра на лазоревом фоне. Руки были закрыты добротными кольчужными рукавицами с накладками из металла, меч был немецкий, с широким лезвием, делавшим его похожим на древний франкский меч, которые богато украшали золотом и камнями, в рукояти которых размещали частицы святых мощей. Сегодня, по случаю турнира, меч был затуплен, чтобы не поранить соперника.

Людовик Французский прекрасно понимал, насколько серьезный ему достался противник.

– Он меньше меня на голову, но крепче и опытней. Надо держать дистанцию и стараться обезоружить, как можно быстрее... – решил принц, рассматривая своего противника.

Начался поединок. Граф, немного размахивая мечом и прикрываясь круглым щитом, пошел в атаку, нанеся серию ударов по щиту Людовика. Рука принца немела от сильнейших ударов, он старался уклоняться и наносил редкие, но сильные и точные удары. Так продолжалось пару минут. Принц понимал, что затягивание поединка лишь на руку графу, и решился на одну мощную атаку. Людовик провел серию ударов, в том числе мельницу и испанскую группу, сочетающую удары по шлему и щиту, чем вывел графа из равновесия, после чего, мощнейшим ударом выбил меч из руки соперника. Победа была присуждена принцу. Зрители и судьи турнира стоя приветствовали победителя. Людовик подошел к графу и, поклонившись, произнес:

– Для меня было огромной честью сразиться с таким опытным и грозным бойцом, как вы, граф де Бар!

– Спасибо принц! Я несколько подзабыл, что вашим учителем был сам мессир Антуан де Сент-Омер. Почуял его штучки только ближе к концу поединка, особенно его любимую «испанскую группу»! – Ответил граф и, сняв с головы свой прекрасный шлем, любезно поклонился Людовику.

Второй поединок на шестоперах принц выиграл у виконта де Туар значительно быстрее и легче, его соперник был несколько слабоват в ногах.

Ангерран де Шомон победил обоих своих соперников, а мессир де Нанси не повезло в первом же бою, и он выбыл из участия. Постепенно количество соперников уменьшалось, пока, наконец, в финале турнира не сошлись принц Людовик и нормандский граф де Лонгвиль, длинный и здоровый, вооруженный удлинённым немецким мечом с рукоятью в две руки. Нормандец забросил щит за спину, на варяжский и сарацинский манер, и взял меч двумя руками. Людовик, рассчитывая быстро покончить с соперником, не учел данной особенности ведения боя своего соперника, и чуть было не проиграл схватку в самом начале. Он собрался и, используя все уроки мессира Антуана, стал больше маневрировать, прикрываясь щитом и ломая дистанцию. Соперник стал пятиться назад, чтобы сохранять, удобное для своих ударов, расстояние. Принц, понимая, что необходимо форсировать ход боя, перешел в резкую атаку, используя мельницу, сблизился с противником, нанес ему удар мечом по шлему. Нормандец немного зашатался, в это время, заканчивая разворот после проведенной мельницы, Людовик оглушил его щитом, повалив на землю. Принц приставил кончик меча к завязкам шлема графа де Лонгвиль и произнес:

– Сдавайтесь, граф!

Противник, лежа на земле, отбросил в сторону свой меч и произнес:

– Воистину, вы великий воин, принц Людовик! Я признаю себя побежденным и отдаю честь вашему умению и хладнокровию!

Людовик убрал меч в ножны и, протянув руку поверженному сеньору де Лонгвиллю, поднял его с земли. Участники, судьи и зрители турнира, стоя аплодировали победителю. Оставался последний соперник для боя на шестоперах. Это был герцог Аквитании и граф Пуату, мессир Гильом.

Все участники, постепенно выбывшие из борьбы, собрались вокруг ристалища, чтобы полюбоваться красивым зрелищем боя. А предстоящий финал обещал быть таковым, боем двух могучих бойцов, один из которых олицетворял юношеский задор и энергию, другой – мудрость и богатый опыт. Людовик и Гильом вышли на середину ристалища и поприветствовали присутствующих.

– Я, Людовик Французский, принц и наследник короны, приветствую всех собравшихся на турнире и, особенно, герцога Гийома Аквитанского, благороднейшего и величественнейшего из ныне живущих палатинов, олицетворение рыцарского благородства и скромности! – Произнес финальную речь принц.

– Я, Гильом Аквитанский, граф Пуату, владетель Оверни, Туара, Марша, Лимузэна, Аженэ и прочих земель, приветствую всех собравшихся на турнире благороднейших гостей и участников! Приношу слова восхищения организатору турнира, виконту Эду-Эрпену де Бурж! Приветствую собравшихся зрителей! Приветствую тебя Людовик, принц и наследник короны Франции, олицетворение молодого рыцарства наших славных земель, продолжателя традиций великих владетелей Франции! – не менее куртуазно выразил свое почтение герцог.

Судья-распорядитель турнира вышел на середину ристалища и произнес:

– Финальный одиночный бой турнира будет проходить на всех дозволенных видах оружия, коими будет сподручнее сражаться высокородным сеньорам! В случае выпадения или порчи оружия соперник имеет право на замену, бой продолжается до признания поражения одним из участников! Высокородные сеньоры! – Он обратился к принцу и герцогу. – Прошу Ваши милости не наносить ударов ниже пояса, давать сопернику передышку и право замены оружия!

Он поклонился и покинул поле.

Герцог Гильом, как всегда, улыбаясь, сказал, повернув голову в сторону Людовика так, чтобы слышал только он один:

– Принц! А знаете ли Вы, как переводится Ваше имя на древнефранкский язык?

– Хлодовикус! – Спокойным голосом ответил Людовик.

– Вот, а что это означает? – Улыбался герцог.

– ?

– Ваше имя, принц, переводится как «славный бой»! Так давайте устроим сегодня наичудеснейший поединок, чтобы я потом мог сочинить прекрасную сирвену о здешнем турнире! – Рассмеялся весельчак Гильом.

«Или он мне и, правда, друг, и союзник, или...» – подумал принц и ответил:

– К Вашим услугам, благородный герцог!

– Я соизволю атаковать Вас, Людовик! – Громко произнес Гильом и бросился в атаку на принца.

Годфруа и два рыцаря принца, вцепившись руками в деревянные ограждения ристалища, неотрывно смотрели на поединок. Вот Людовик, изловчившись, выбил меч из руки герцога. Гильом крикнул оруженосцу и, через мгновение, у него в руках оказался шестопер, которым герцог начал колошматить по щиту Людовика так, что казалось чудом, что щит принца еще был невредим. В конце концов, герцог разбил щит принца. Людовик отшвырнул, ставший беспо-

лезным, щит и приказал Годфруа кинуть ему цепник. Орудя двумя руками, словно крыльями мельницы, принц атаковал герцога, вынудив его защищаться и, хитрым закрученным финтом цепника, выбил шестопер герцога. Трибуны пришли в неистовство. Зрители и участники турнира смотрели прекраснейший и острейший, по накалу, поединок. Герцог Гильом, подхватив брошенную слугой секиру, снова стал атаковать Людовика. Теперь туго пришлось принцу, Людовик стал немного отступать под ударами герцога, которые сыпались на него. Секира герцога несколько раз вскользь прошла по шлему принца, у которого стала побаливать голова от этих ударов. Изловчившись, герцог поймал Людовика на контратаке и выбил меч из руки принца. Годфруа быстро подал принцу шестопер. Людовик, словно большая боевая башня, вращая шестопером и цепником, обрушился на герцога. Бой продолжался уже порядком, стороны стали уставать, но от этого их удары не стали слабее, наоборот, они старались бить наверняка. Мощнейшим ударом шестопера Людовик разбил щит Гийома, сделав его беззащитным. Герцог отбежал, взял в освободившуюся руку шестопер, и снова бросился в атаку. Но ему было не совсем удобно атаковать секирой, которую теперь он держал одной рукой. Людовик почувствовал это и ускорил темп боя. Он наседавал на герцога, который секирой принимал удары принца, а атаковал левой рукой, где был более легкий шестопер. Принц резким крутящим движением цепника выбил секиру из руки герцога, но и сам при этом лишился цепника, запутавшегося в отлетевшей секире. Оба сражающихся, тяжело дыша, стояли напротив друг друга, готовые к последней атаке. Они были вооружены лишь шестоперами, но без щитов, что было крайне опасно.

Судья-распорядитель турнира, видя, что схватку ведут два совершенно равных противника, вышел на середину поля и прекратил бой:

– По решению хозяина и устроителя турнира, благороднейшего виконта Буржского, с целью недопущения дальнейшего возможного ранения одного из финалистов, Его высочество принц Людовик Французский и, Его высочество герцог Гильом Аквитанский признаются победителями турнира! Поздравляем наших благороднейших победителей, подаривших всем нам, столь замечательный по накалу и красоте, поединок!

– Вот, теперь и в правду «славный бой», принц! – Вытирая пот со лба, с улыбкой произнес герцог. – Не расстраивайтесь по поводу хоругви, Людовик! Она, все равно, будет скоро вашей! Я переговорил с мессиром виконтом и убедил его, простите за мою наглость, продать или заложить свои земли, в случае крестового похода виконта, именно короне Франции, нежели кому иному! Скоро хоругвь великого тэзки будет ваша!..

Людовик оторопел.

– Это шутка, мессир герцог? – Смог выдавить он из себя.

– Ни коим образом не собирался шутить с Вами, мой друг! Я могу Вас так называть, Людовик? – спросил герцог.

– Для меня это честь...

– Вот и чудненько! Договорим остальные темы за ужином во дворце виконта! Там Вы сами убедитесь в искренности моих слов, принц! – Ответил герцог, кивнул головой, повернулся и пошел к себе переодеваться.

Людовика обступили его соратники, выражавшие восторг от увиденного только что боя.

– Славный был бой, ваше высочество! Ей богу, могу поклясться на библии, в жизни не видал такого поединка! – Радовался, как ребенок, Ангерран де Шомон.

– Ну вот, наконец, и я вижу тебя веселящимся, а то ходил вечно, словно каменный! – Улыбнулся принц, ему были приятны переживания его товарищей и рыцарей, видимо процесс сближения принца и его армии шел в правильном направлении.

– Сир! Меня сильно беспокоит, не нанес ли Вам каких увечий мессир герцог в пылу турнирного поединка? – Осведомился Мишель де Нанси.

– Нет, что ты, мой милый и верный Мишель! Все нормально! Все просто замечательно! – Похлопав по плечу де Нанси, сказал принц и, неспешно пошел к себе в палатку.

Годфруа шел рядом с Людовиком, гордо расправив плечи и высоко подняв голову, он был переполнен гордостью за принца, своего доброго хозяина, победителя турнира в Бурже. Ах, как хотелось самому Годфруа участвовать сегодня в пеших поединках, но, пока он был неопытный рыцарь, об этом можно только мечтать.

Слуги быстро и проворно раздели принца, аккуратно собрав его амуницию, и унесли в ремонт и правку кольчугу и остальное оружие.

– Прикажи слугам аккуратно упаковать все наши трофеи! Лошадей вели помыть и дать им овса. Эти благородные боевые кони, доставшиеся в качестве трофеев турнира, пойдут на комплектацию наших новобранцев. – Приказал Людовик Годфруа. – Да, бери этого, как его, Анри-Лотарингца, к себе в помощники, учи его всему, что знаешь и умеешь сам. Тебе пора переходить на иные дела, мой славный рыцарь! – Подмигнул Людовик рыцарю.

– Спасибо, сир! – встав на колени, промолвил Годфруа.

Он вышел из палатки и пошел в сторону прислуги, возившейся у коней и вооружения.

– Давайте, ребята, складывайте пожитки аккуратнее. Принц велел все хорошенько проверить, подремонтировать и сложить для отправки в Париж для нужд его пополнения. – Сказал слугам Годфруа. – А ты, Анри, теперь мой помощник! Лично принц дал такое указание. Буду теперь тебя обучать и наставлять... – весело сказал Годфруа длинноногому Анри.

– Ой! Я и не знаю, как вас благодарить за это! – растерялся Анри.

– Брось это дело! Все это ради принца и Франции. Будешь хорошо служить Людовику, верой и правдой, может и тебя он рыцарями сделает, а? Как думаешь, Анри? – Подмигнул Годфруа.

– Да мне кем угодно, лишь бы отомстить за погубленных им собственноручно семью, малых братьев и сестер... – со слезами на глазах ответил Анри-Лотарингец. – Вы ведь знаете, мессир Годфруа.

– Знаю. И принц помнит и знает о мессире Адаме из Амьена, погубившем весь твой род и сделавший тебя практически сервом короля, скотина! – Не удержался Годфруа. – Ладно, пошли, будешь у меня пока заниматься оружием и конями, скоро отъезжать домой в Париж.

И они ушли вместе с другими слугами Людовика.

VIII ГЛАВА.

Принц купил виконтство Бурж.

Бурж. 26 августа 1100 года.

После купания и переодевания принц и все его рыцари направились на званый ужин, устроенный виконтом в честь окончания турнира. Рыцари весело шли по дороге, улыбаясь и кланяясь прохожим, узнавшим принца и его героев, с шутками и смехом обсуждая окончившийся турнир. Людовик ожидал важнейшего разговора с виконтом и герцогом, он был самым серьезным и немногословным в этой шумной и веселой компании. Прогулка пешком несколько развеяла Людовика. Ему было приятно осознавать, что жители Буржа, часто видя принца, принимают его и любят. После долгих десятилетий безвластия, когда королевская власть дискредитировала себя в глазах простого народа Франции, такие прогулки пешком среди народа очень идут на пользу укрепления и восстановления веры в короля и его силу. Видя постоянно принца, слыша о его неустанной заботе, о нуждах церкви и простых людей, горожане и сельские жители начинают неосознанно тянуться к источнику справедливости, обеспечивая принцу возможность усиливать, таким образом, свое влияние и повышать авторитет в провинциях сво-

его будущего королевства. Так, кто, веселясь, кто, размышляя, наша компания добралась до дворца виконта, где их с нетерпением поджидали остальные гости и участники турнира.

Гостей встречал сам хозяин здешних мест и организатор турнира, виконт Эд-Эрпен Буржский вместе с архиепископом диоцеза. Было видно, что мессир виконт сильно нервничает, Людовик знал причину такого поведения виконта. Он придал равнодушный и скучающий вид и торжественно приветствовал хозяина. Виконта натужно улыбнулся, ответил несколько витиеватым приветствием в адрес принца и его свиты. Было видно, что виконт хочет пообщаться наедине с Людовиком. Принц, делая вид, что его интересуют новые перестройки крыла дворца, предложил виконту пойти вдвоем:

– Много наслышан о Ваших переделках во дворце, любезнейший виконт. Не могли бы мы вдвоем, спокойно посмотреть и побеседовать на различные, интересующие наши стороны, вопросы.

– С превеликим удовольствием, сир! – Закивал головой виконт. Он повернулся к прислуге и сказал. – Сопроводите сеньоров рыцарей свиты Его высочества и рассадите их на самых почетных местах! Живо, и чтобы ни в чем мои гости не испытывали нужды, море вина и мяса!

Пока слуги рассаживали рыцарей, принц и виконт незаметно удалились из шумного зала дворца.

– Виконт, спасибо за приглашение на участие в турнире!

– Не стоит благодарности. Ваше высочество, я имел серьезную беседу с герцогом Гильомом, в ходе которой он настоятельно рекомендовал обратиться к Вам, принц...

– Весь в Вашем распоряжении, милейший виконт. – Улыбнулся принц.

– Видите ли, вопрос крайне деликатен, и я просил бы Ваше высочество, в случае... – он замялся. – Не распространяться о предмете нашего разговора...

– Конечно, мессир виконт! Вы можете полностью положиться на мою порядочность и щепетильность в вопросах сохранения чужих тайн и секретов. – Успокоил виконта Людовик.

– Я собираюсь отправиться в священный для любого христианина поход к святым местам...

– Это делает Вам честь, виконт...

– Вы не совсем, вернее я не совсем правильно высказался. Я хочу организовать, в ближайший год или два, настоящий крестовый поход своих рыцарей и соседних сеньоров. Мессир герцоги Бургундии и Аквитании (Людовик был поражен!) дали свое принципиальное согласие на участие вместе со своими вассалами, равно как графы Невера, Оксерра и других мест.

– Похвальное рвение для рыцарей Франции... – деликатно сказал принц.

– Данное мероприятие, хотя и защищено буллой католической церкви, тем не менее, довольно-таки дорогое удовольствие. А в виду того, что в него собираются идти многие знатные владетели, денежные вопросы принимают острый и трудно решаемый вид... – грустно произнес виконт, опустив голову.

– Не беспокойтесь, мессир виконт. Мы с батюшкой также подумываем об участии в данном святом предприятии. Но, дорогой мой виконт, к несчастью, мой отец все еще не в ладах с Его святейшеством и не может отправиться в поход. А меня он не отпускает, ссылаясь на мой юный возраст и необходимость находиться при нем. Так что нам не повезло, но вам, если пожелаете, как одному из наших вернейших вассалов, мы могли бы помочь. – Эд-Эрпен настоялся. Его глаза загорелись, а руки вспотели от неожиданности. – Если Вы не возражаете, мы могли бы ссудить Вас необходимой суммой в турецких ливрах. Серебро Вас устроит? – Как бы мимоходом спросил Людовик.

– Да-да, конечно! Я ведь тоже подумал, что поручить надзор и опеку над моими землями лучше всего короне, нежели моим алчным соседям! – Успокоившись немного, сказал виконт.

– Извольте назвать сумму, может статься, я смогу Вас ссудить прямо сейчас... – спокойно ответил принц.

– Видите ли, принц, я несколько поиздержался на организации турнира и на прочих приятнях...

– Не стесняйтесь, называйте сумму, приемлемую для Вас, дорогой мой виконт... – развел руками Людовик.

– Поход планируется на два-три года. Думаю, что сумма трех годовых доходов виконства меня устроила полностью...

– Это будет у нас... – начал прикидывать в уме принц.

– Сущая безделица. Пятьдесят тысяч турецких ливров серебром... – назвал сумму виконт.

«Вот здорово! Я, признаться, ожидал раза в два больше!» – Подумал принц и в слух произнес:

– Негоже христианину так мелочиться! Завтра же я отсыплю Вам, виконт, шестьдесят тысяч турецких ливров серебром! Для осуществления столь богоугодного дела мелочиться не будем.

– Но, я просил только пятьдесят тысяч... – ответил несколько ошеломленный виконт.

– Десять тысяч от меня лично! Их Вам даже возвращать не нужно! Не к лицу христианину быть жадным в таком деле! Рыцари должны помогать друг другу, не так ли, мессир виконт?..

Виконт был сражен благородством и щедростью принца! Подарить, без возврата, десять тысяч серебром! Истинно королевский жест...

– Истину говорю Вам, принц! Вы станете великим королем франков! Вы вернете былое величие потомкам Карла Великого! – Поклонился виконт. – Ваш благородный жест похож на поступки рыцарей времен Карла Великого!

– Оставьте! Разве между нами, старыми и проверенными союзниками, могут быть подобные жеманства! Прошу завтра прислать нотариусов и писцов для пересчета денег, и оформления надлежащих бумаг... – сказал Людовик.

Обрадованный столь быстрым и неожиданно щедрым решением принца, виконт проводил Людовика в зал, где званый пир был в самом разгаре. Принц попросил его не беспокоиться и решил присесть возле герцога Гильома Аквитанского.

Среди шумного застолья всегда можно уединиться и решить многие вопросы. Вот и сейчас Людовик решил спокойно побеседовать с герцогом, чтобы выяснить и уточнить для себя причины столь теплого отношения столь могущественного сеньора к нему.

– Герцог! Еще раз хочу поблагодарить Вас за предоставленный сегодня урок мудрости и рыцарского поведения. – Учтиво заговорил принц.

– Оставьте, мой дорогой принц! Мы все люди крайне практичные, следовательно, каждый из нас руководствуется только исключительно соображениями собственной выгоды. Вот Вы, к примеру, также решили с огромной выгодой для себя дельце в Понтье! Почему же я должен быть альтруистом в вопросах, жизненно важных для моего домена? – Улыбнулся герцог. – Понимаете, мой дорогой друг Людовик, во многих вопросах, особенно если они связаны с близлежащими ко мне сеньориями, пока наши пути не расходятся, мне сподручнее искать выгоду в союзе с Вами и короной, нежели со своевольными и тщеславными владетелями.

– Но чем же выгоден для Вас, герцог, вариант с укреплением влияния короны в центре нашей милой Франции? – Изображая простачка, спросил Людовик.

– Давайте выпьем этого славного вина, мой принц, чтобы не привлекать лишних подозрительных взоров и не обижать нашего щедрого, расточительного и гостеприимного хозяина. – Уклонился от ответа герцог и жестом приказал виночерпию виконта наполнить два больших золотых кубка великолепной лиможской работы, дар герцога хозяину турнира, изумительным пуатевенским вином.

Гильом встал, обвел зал глазами, высоко поднял кубок и, дождавшись тишины, произнес:

– Предлагаю всем присутствующим здесь благороднейшим владетельным сеньорам выпить за здоровье и процветание дома де Бурж! За ваше здоровье, мессир виконт! Долгие лета отменного здоровья и верной службы Франции!

Зал зашумел, восторженно приветствуя тост герцога в честь виновника сегодняшнего пиршества и турнира.

– Вот, видите, принц, как легко можно манипулировать толпой! Теперь никому в зале не будет дела до нас с вами. Так на чем мы остановились в нашей беседе? Ах да, об укреплении королевской власти! – Герцог слегка поморщился, но тут же погасил свои эмоции, и ответил.

– Дело состоит в том, что, на данном этапе времени, мне выгоднее видеть новым соседом проверенного человека короны, нежели, к примеру, – он кивнул в сторону герцога Бургундии. – Этого сеньора или, не дай бог, Монморанси, а с ним вместе Рошфоров и прочих, прошу прощения, баламутов.

– Спасибо за откровенность, мессир Гильом... – протянул ему руку принц.

– Ну что вы, Людовик, это жизнь! – Пожал руку принца герцог. – Все ваши, я хотел сказать – короны, планы строятся и, я надеюсь, еще будут продолжаться, на вопросе ослабления Нормандии и Англии, ваших природных и извечных соперников. Значит, ваше присутствие в этом регионе будет формальным, основывающимся на визитах и поставке в армию вассалов и рекрутов от виконства.

– Поражаюсь вашей прозорливости, герцог. – Восхитился принц.

– Какая там прозорливость! – Хлопнул по столу герцог. – Простите, Людовик, мне надо-ели более южные соседи. Да! Я имею в виде семейство Сен-Жиль и их «римских папаш»! Этот прохиндей Раймон исхитрился, прямо перед началом крестового похода, собрать все разрозненные земли семейства, разбазаренные его предками, под свою руку! Вы, наверное, слышали от своего отца, как этот негодный Раймон собирался примерить корону вашего батюшки на свою голову? Меня, кстати, после разговора с ним отлучили от церкви! Так, сослались на какую-то давно забытую ерунду и отлучили! А я, – тут Гильом засмеялся, обнажая ряды белых и ровных зубов, – взял, да и «отлучил» графа Раймона де Сен-Жиль от Тулузы и всех его владений! Тулуза-то, теперь, моя...

Людовик прекрасно знал от отца давнишнюю историю с частью спорных сеньорий в районах Аженэ, Руэрга, Кагора и прочих земель, составляющих предмет старинных споров и войн между домами Аквитании-Пуату и Тулузы. Граф Тулузский, своей независимой политикой, умудрился озлобить и настроить против себя практически всех своих соседей, в том числе и короля Арагона, которого он изводил постоянными нападениями на земли его вассала, виконта Безье и Каркассона. Герцог, заручаясь негласной поддержкой королевского дома Франции, используя отсутствие графа Раймона, напал на земли Тулузы и захватил спорные и некоторые другие земли, пользуясь отсутствием Раймона в крестовом походе.

– Вы совершенно правы, герцог! Даже во время коронации моего отца Филиппа, наглец граф Тулузы даже не прибыл для принесения оммажа! Вы, тогда еще совсем юный, только немного задержались в пути, но прибыли для отдания вассального долга. – Поддакнул герцогу Людовик. Подобным хитростям, позволяющим расположить к себе и разговорить нужного собеседника, его обучили при дворе отца, полном зависти и различных интриг.

– Изумительно! Ваша деликатность и отличная память делают честь любому государю. Означает ли это поддержку, пусть и негласную, короля Франции? – Сразу же перешел к делу герцог.

– Абсолютную поддержку мессир Гильом! Но, вы сами понимаете, что, для вида, мы будем вынуждены прибегнуть к формам и попыткам умиротворения, уверяю Вас, крайне слабого и, преимущественно, миролюбивого, характера. Мы будем всячески отрицать факты наличия какого-либо сговора или альянса между домами Капетингов и Аквитании-Пуату. – Обозначил официальный вариант тайного соглашения принц.

– А мне больше и не нужно! Хватит и этого, милейший принц... – герцог обнял Людовика за плечи. – Давайте выпьем и скрепим кубком славного вина наш союз, как в древние и славные времена Карла Великого!

Они обменялись кубками и выпили.

– Эх, принц! Вы ведь не в курсе одного моего дела... – с грустью в голосе сказал вдруг Гильом. – Однажды, когда только родился мой сын и наследник Гильом, черт дернул меня сходить к одному еврею-астрологу. Да, не удивляйтесь, Людовик! К астрологу! Так вот, этот еврей предсказал мне страшное – у моего сына не будет больше наследников мужского пола! Вернее сказать, его сын умрет молодым...

– Перестаньте, прошу вас, мессир Гильом! Мало ли чего наплетут эти глупые «сионские мудрецы»! – Разведя руками в стороны, попытался успокоить герцога Людовик. – Если постоянно прислушиваться к разным гороскопам и предсказателям, скоро должен наступить конец света, небо упадет на землю, а реки потекут вспять!

– И, все-таки, Людовик, я склонен верить данному предсказанию. Вот почему, если у моего сына Гийома родится только одна дочь и один сын, и не будет больше детей, я, в присутствии архиепископа Пуату, заставил его на мощах поклясться, что свою дочь он выдаст за Вашего наследника! Только, вы уж не подведите меня и родите мальчика!..

– Не пойму я вас, герцог! Или вы издеваетесь надо мной, или... – лицо принца стало суровым, приобретя холодный оттенок уверенности и силы.

– Можете быть покойны, принц! Герцог Аквитании и граф Пуату не бросается на ветер подобными словами! – Несколько раздражаясь из-за неверия принца, ответил герцог.

– Извините меня, мессир Гильом! Я подумал, что вы опять изволите шутить, как всегда! – Рассмеялся Людовик, переводя разговор в шутливую плоскость. – Для моего рода будет честью породниться со столь грозными, благородными и могучими соседями.

Принц и герцог снова выпили по большущему кубку вина. Они приняли участие в шумном и хмельном веселье, воцарившемся во дворце виконта.

На следующий день Людовик с, вечной после подобных гулянок, головной болью организовал передачу денег мессире виконту. Он бережно спрятал на груди залоговое письмо на земли, замки, леса, угодья и поместья провинции Бурж, согласно которому корона Франции вступала в опекунство после убийства виконта в крестовый поход, но не позднее 1102 года, от рождества Христова. Это была одна из больших и главных побед молодой королевской династии Франции, встающей на путь объединения и собирания земель, разбазаренных и потерянных их предшественниками.

После всех этих приятных хлопот, принц лично проверил выполнение его приказа об упаковке и надлежащей сохранности выигранного им и его рыцарями трофейного вооружения, имущества и, что особенно ценно, боевых породистых коней.

– Поите и кормите лошадей, да проверьте подковы! Не дай бог, если к приезду в Париж, хотя бы один конь захромает! Запорю! – Гонял он, для порядка, своих и его рыцарей, конюхов.

Они готовились к отъезду в Париж, где их с нетерпением поджидал Сугерий и мессир Антуан с наставниками. Принцу не терпелось, как можно скорее, очутиться среди близких ему людей, снова заняться делами по наведению порядка в регионах – этой законной возможности укрепиться и округлить земли его родового домена, используя любой повод для изъятия земель непокорных и своевольных сеньоров. Людовик оглядел всех собравшихся, улыбнулся своей открытой и искрящейся улыбкой, и произнес:

– Ну, с богом, мессеры! В путь! У нас еще много неотложных дел!

Ему надо, как можно быстрее в Париж! Там ждет его Сугерий и много молодых, алчных и горячих юношей из разных провинций Франции, жаждущих славы, приключений, богатств и наград из его, монарших, рук.

IX ГЛАВА.

Секретный архив похищен.

Замок Монкруа под Парижем. Кабинет Сугерия. 11 сентября 1100 года.

Сугерий еще раз перерыл весь кабинет сверху донизу. Он даже вспотел от нервного перенапряжения.

– Нет. Этого не может быть... – прошептал он, бессильно упав в кресло и свесив руки. – Не может быть...

Он закрыл лицо ладонями, тяжело вздохнул. Воздух с резким свистом вырывался сквозь пальцы рук, закрывших его лицо. Сугерий встал и начал ходить из угла в угол комнаты, попутно продолжая бесполезные поиски глазами.

– Да! Если их украли – мы пропали... – снова вырвалось у него.

Сугерий испуганно посмотрел по сторонам, опасаясь чужих ушей...

Часть его тайного архива, самая, пожалуй, важная часть архива пропала! Нет. Она была украдена.

Сугерий подошел к окну и стал размышлять, глядя в ясное осеннее небо:

«Я только позавчера просматривал эти документы. Сам же убирал их в тайник, сделанный в стене специально по моей просьбе...»

Он не заметил, как стал барабанить пальцами по каменному подоконнику.

«Тьфу! Появилась эта неприятная манера стучать пальцами, когда сильно нервничаешь! Это нехорошо! Это уже слабость, которую могут заметить враги...»

Сугерий сжал кулаки. Вдруг, догадка озарила его голову. Он постучал кулаком по своему лбу:

– Какой же я идиот! Конечно, это сделал кто-то из слуг. Но, кто?..

Он вышел из комнаты и велел рыцарю охраны срочно вызвать к нему в комнату всех слуг, так или иначе способных знать о тайнике в стене. Через час в комнате Сугерия собрались десять слуг. Они испуганно перешептывались между собой, не понимая цели их внезапного сбора у грозного приора часовни короля...

Сугерий молча смотрел на них через задвинутые портьеры, которые отделяли кабинет от спальни.

«Кто из них? – Мучительно размышлял он, разглядывая их лица. – Нет. Скорее всего, этого человека уже нет среди них...»

Он резким движением раздвинул тяжелые портьеры и вошел в кабинет. Слуги испуганно поклонились.

– Все собрались? – Спросил Сугерий, обращаясь к слугам.

– Все, вроде, монсеньор... – раздался голос старшего слуги, седого Жака. – Хотя, нет, монсеньор... Нет Жана-писца! Он куда-то пропал...

– Разве?.. – удивился Сугерий.

Слуги переглядывались и тихо разговаривали между собой. Жан снова ответил:

– Верно, монсеньор! Жан-писец сегодня рано утром отпросился у дежурного слуги на этаже. – Он повернул голову к высокому рыжеволосому слуге. – Верно, Шарль?..

– Да. Верно, монсеньор. – Испуганно вытаращив глаза, ответил Шарль. – Жан-писец подбежал ко мне рано утром и отпросился в Париж...

– Зачем ему надо было ехать в Париж?.. – грозно нахмутив брови, спросил Сугерий. – Ты же должен знать о запрете на отъезды слуг без разрешения начальника стражи?..

– Он что-то говорил о болезни его жены, оставшейся во дворце на острове Сите... – испуганно забормотал слуга. – Он дал мне денег, целых десять ливров...

– И ты не удивился, откуда у простого писца такая огромная сумма?.. – Выходя из себя, закричал на слугу Сугерий.

Слуга упал на колени, взмолился:

– Монсеньор! Не казните! Бес попутал! Такие деньги, право! Я никогда их в руках и не держал...

Сугерий выдохнул, взял себя в руки и, обращаясь к рыцарю охраны, сказал:

Он больше никогда не возьмет в руки денег... – Рыцарь удивленно посмотрел на него, не понимая.

Сугерий посмотрел на слугу:

– Ты больше никогда не возьмешь в руку денег, протянутых тебе врагами и предателями? Верно?..

– Да, монсеньор! Никогда!.. – закивал головой Шарль. – Никогда...

– Правильно, Шарль. Никогда... – Сугерий кивнул на него рыцарю охраны. – Отруби ему кисть правой руки! Прямо здесь отруби...

Рыцарь молча вынул меч и, схватив за руку Шарля, который был парализован ужасом приказа Сугерия, вытянул ее вперед и, резким ударом меча отсек кисть правой руки.

Слуга закричал от боли, он прижал обрубок руки к себе. Кровь брызгала в стороны, запачкав пол и слуг, стоявших рядом с ним.

Рыцарь вытер меч о согнутую спину Шарля, вложил меч в ножны и, как ни в чем не бывало, остался стоять возле дверей.

– Заткнись, Иуда... – Сугерий пнул ногой слугу, который упал на пол, залитый кровью, и молча плакал от боли. Он повернулся к слугам. – Заберите его и выкиньте на улицу...

Слуги с шумом вытащили Шарля, закрыли дверь в комнату.

«Срочно писать письмо Людовику. – Решил Сугерий. – Только он сможет мне помочь...»

Он сел и стал писать. Потом, поднял голову и подумал:

«Но, кто, кроме принца, сможет мне помочь в этом деликатном деле? Только Годфруа! Он уже один раз помог мне и королю! Теперь, пусть поможет еще раз...»

Он дописал письмо, запечатал его и позвал рыцаря охраны. Рыцарь вошел и молча поклонился.

– Мессир рыцарь. – Сказал Сугерий. – Срочно отправьте воина с этим письмом к Его высочеству Людовику! Дальше! Отправьте сотню конных арбалетчиков в Париж! Прочешите всю дорогу, опросите всех встречных и поперечных! Но, найдите мне Жана или, хотя бы, его следы! Перетряхните весь королевский дворец, отыщите его жену, всю его родню! Всех – в кандалы и в подвал!..

– Будет сделано, монсеньор... – невозмутимо ответил рыцарь, взял письмо и вышел...

Сугерий дождался ухода рыцаря, сел в кресло и задумался:

«Если документы уже по дороге в Англию – все пропало! Король Генрих соскочит с короткого «поводка» и развяжет себе руки... Нам же придется туго! Если Генрих передаст с okazji часть архива папе Римскому, могут всплыть ненужные подробности «комедии» в Клермоне... Тогда уже корона, наверняка, слетит с головы Филиппа и, уже точно, не достанется Людовику...».

Сугерий вздрогнул при мысли о том, что его дотошность и пунктуальность могла сыграть зловещую шутку и с ним, поставив на кон не его голову, а корону Франции...

Тауэр. Англия. За месяц до похищения секретного архива.

Генрих сидел в главной башне Тауэра – огромном кубическом *донжоне*, построенном его отцом, великим Гильомом Завоевателем, и перебирал отчеты «*Палаты Шахматной Доски*»

с суммами доходов и трат за первое полугодие 1100 года. Его глаза скользили по рядам цифр и соответствующих им записей, но мысли его скользили совершенно в другом направлении...

«Нет, хорошо, нет споров, что я стал королем при помощи дворян из Франции и семейства Биго. Хорошо, но... есть одна маленькая загвоздка. Они могут меня, при желании или по необходимости, сбросить с престола, ввергнув Англию в анархию междоусобиц...» – Генрих присмотрелся в окно башни.

Стая огромных воронов, невесть откуда взявшихся в крепости, с громким карканьем носилась над башней и новой крепостной стеной, которую успел отстроить до смерти его брат Гильом Рыжий.

«Раскаркались! – Зло плюнул Генрих. – Воронье проклятое... Надо же, в округе полно зданий лучше и удобнее, а эти гады взяли, да и облюбовали именно башни Тауэра...»

Он позвонил в колокольчик. Вошел рыцарь, поклонился. Генрих, не поворачивая к нему головы, спросил:

– Мессир рыцарь! Если я не ошибаюсь, мой покойный брат уже давал указание известить или перестрелять воронье, заселившее и загадившее Тауэр? Почему же они до сих пор живы и, как ни в чем небывало, разгуливают, летают и каркают, отвлекая и раздражая меня?..

Рыцарь пожал плечами, подумал и ответил:

– Сир! Этих гадов, воронов, и морили, и стреляли в них из луков, даже закупали мор для того, чтобы потравить их, разбойников! Без толку, сир! Они, словно заговоренные! Ничего их не берет...

Генрих понял, что говорить бесполезно, вздохнул, махнул рукой, освобождая рыцаря от ненужной и бесполезной беседы. Рыцарь охраны облегченно вздохнул, поклонился и тихо исчез, закрыв за собой двери.

Король задумчиво пролистал оставшиеся бумаги, отложил, вернее сказать, отбросил их, стукнул кулаком по столу и произнес вслух:

– Ладно! Попробуем еще раз обратиться за помощью к старику де Биго. Будем рассчитывать, что граф Норфолк не слишком взвинтит цену за свои услуги...

Он снова вызвал рыцаря охраны. Когда он вошел, король сказал ему:

– Мессир, извольте немедленно пригласить ко мне старшего Гуго де Биго...

Рыцарь поклонился и исчез за дверью, вздохнув с облегчением, что, на этот раз, королю не захотелось приставать к нему с воронами...

Генрих высунулся в окно и посмотрел на огромных черных птиц, каркавших рядом с окном:

– Ну, и не надоело тебе?.. – Он посмотрел на большого черного ворона, сидевшего на выступе возле окна. Ворон покосился на него, каркнул и отпрыгнул немного дальше. – Живи, и дай спокойно жить другим! Нечего орать и каркать!..

Генрих плюнул в окно и повернулся, услышав скрип открываемой двери. Вошел старый Гуго де Биго. Он поклонился и вопросительно посмотрел на короля:

– Сир, вы изволили позвать меня? – Осторожно, но с достоинством произнес Гуго.

Генрих кивнул, приглашая Гуго присесть рядом с ним. Гуго присел, вопросительно глядя на короля.

– Мессир Гуго, вы довольны милостями, которыми я отблагодарил ваш род за верность, преданность и усердие?.. – издали начал король.

Гуго пожал плечами, ответил:

– Спасибо, сир. Ваша щедрость не знает границ...

– Прекрасно, граф Норфолк. Я, если не ошибаюсь, еще не составил ордонанс о возврате вашему роду звания великого коннетабля королевства?.. Простите, что-то завозился...

Гуго усмехнулся в душе:

«Неужели, только за этим, он вызвал меня? Думает, что я буду просить его вернуть моему роду то, что и так принадлежит нам по праву рождения?..», но, вслух ответил:

– Мы благодарны вашему величеству за все благодеяния. Просить большего, чем есть сейчас, было бы уже верхом бестактности...

Генрих улыбнулся.

«Прохвост! Набивает цену...»

– Мессир Гуго. Есть одна проблема, которая беспокоит меня, но, которая косвенно, может затронуть и ваш род...

Гуго наклонился корпусом к королю. Генрих продолжил:

– Вся эта история с участием французов, как бы вам сказать, сильно раздражает и беспокоит меня. Есть ли возможность снять напряжение с моей души, покончив с ней, раз и навсегда?.. Наша благодарность за оказанное внимание не имела бы границ...

«Испугался! – Решил Гуго, глядя на Генриха. – Думает, что вернется Робер Куртгёз и потребует назад корону, которая полагается ему по договору в Кане.... А, если учесть, что все нити сейчас у короля Филиппа...»

– Прикажите, сир, и я сделаю для вас все возможное и невозможное!.. – Ответил Гуго де Биго.

– Мне хочется, Гуго, чтобы я навсегда забыл об этой угрозе...

– Не понял, сир! Если можно, подробнее поясните...

– Франки должны исчезнуть, растаять, словно утренний туман! Ясно?..

– Это не решит проблему, сир... – ответил Гуго. – Их послал король Филипп, или с его ведома. Значит, должны быть люди, отдавшие этот приказ! А, убивать их, значит – начинать войну!.. Тут, скорее всего, надо действовать иначе!

– Каким образом? – Заинтересовался Генрих.

– Подкупить кого-нибудь из слуг, желательно, чтобы это был писец королевской службы. А, если у франков будут какие-нибудь тайные бумаги, их надо будет выкрасть и увезти к нам, в Англию! Тогда, уже не вы будете бояться огласки со стороны Франции, а наоборот!..

– Великолепно! Только, мессир Гуго, одна проблема! А есть ли такие документы? И, если они есть, у кого они хранятся? Вот, в чем загвоздка...

– Это даже не проблема, сир! Хранятся они, если они существуют, скорее всего, у Сугерия или у Рено де Вилльбеона...

Генрих посмотрел на Гуго с интересом:

– Кто такой Сугерий? – Он был поражен осведомленностью Гуго де Биго.

– Сугерий? А, это новый священник на службе Филиппа. Он уже доверяет ему, как самому себе. Сугерий становится значимой фигурой! Судя по всему, его готовят в канцлеры для Людовика...

– Так, понятно...

– Вот, значит, что документы будут или у него, или у мессира де Вилльбеона...

– Выкрадите все, что сможете! Я озолочу вас, де Биго...

– Десять тысяч ливров, для начала... – кивнул Гуго. – Обо всем остальном, сир, поговорим, если дело выгорит...

«Торгаш! Аферист! Шантажист! Думает, что сможет прижать меня...» – решил Генрих, глядя на Гуго де Биго.

«Влип! Точно, влип! Теперь он у меня будет, как шелковый...» – решил Гуго де Биго.

– Получите, мессир Гуго... пять тысяч ливров в Винчестере. Оставшуюся часть получите по исполнению.... Купите всех, кого только можно! Купите во Франции тех, кого нельзя купить!..

– Хорошо, сир... – Гуго поклонился и добавил. – У вас есть вассал. Его зовут Робер граф де Мёлан...

Король кивнул.

– Вот, через него мы и достанем бумаги... – спокойным голосом добавил Гуго.

Сеньория Монсо-Сен-Жерве на правом берегу Сены возле Парижа. Владение графа де Мёлан. 6 сентября 1100 года.

Гуго де Биго отправил во Францию своего сына. Почти через месяц, после трудных, долгих и, казалось, бессмысленных трудов Гуго-младший при помощи графа Робера де Мёлан смог точно установить, что архив у короля есть. Он хранится у Сугерия, в замке Монкруа, в самом кабинете, который совмещается со спальней Сугерия. Архив хранится в маленькой тайной нише, сделанной пару лет назад в стене...

Сегодня был, воистину, знаменательный и замечательный день! Наконец-то, после бесплодных попыток подкупа, слугам графа удалось выйти на писца, служившего при личной канцелярии всемогущего священника.

Его величество случай помог найти зацепку в лице несчастного и азартного Жана-писца, который в пылу азарта проиграл в кости и шары местным жуликам из таверны огромную сумму денег, – двадцать ливров серебром!

О, это была, действительно, астрономическая сумма, если учесть, что королевский рыцарь получал жалованье в размере, не превышающем десять ливров в месяц. Бедный писец понял, что пропал, окончательно и бесповоротно пропал. К нему, отчаявшемуся и сломленному духом, подошли слуги графа де Мёлан и... На следующий день, Гуго де Биго уже точно знал о реальности архива, более того, он знал его общий состав и наличие особой, тайной части, королевского архива.

Смекнув, что можно изъять и незаметно вывезти в Англию много ценнейших и важных бумаг, Гуго де Биго предложил ошеломленному писцу триста ливров серебром, место в Англии и возможность будущего дворянства...

Глупый и доверчивый писец, загнавший себя в угол большим проигрышем и фактом сговора с врагами короны, безропотно согласился...

Оставалось только ждать удобного момента.

Гуго де Биго сидел в комнате башни сеньории Монсо-Сен-Жерве и смотрел в окно на Париж, расстилающийся неподалеку. Все мысли его были сосредоточены только на успешном исполнении задания, которое ему поручил отец, старший Гуго де Биго.

«Сынок, – сказал напоследок Гуго старший, похлопав по шее коня, на котором сидел его сын, – от исхода дела напрямую зависит абсолютно все для нашей семьи! Постарайся, родной мой, как можно успешнее выполнить это трудное задание. Самое главное – захвати документы, но, мальчик мой, помни, что с этого момента за тобой начнется настоящая охота! Тебе придется, ох, как тяжело! И еще, остался только один рыцарь из тех двух франков, что ты видел... Бойся его! он очень опасен! Лучше всего, Гуго, убей его! Замани в ловушку и убей...»

Младший Гуго де Биго придумал, как показалось ему, хитроумный план, который смог бы позволить ему разом убить двух зайцев – захватить архивы короны и убрать угрозу в лице рыцаря Годфруа де Леви, единственного свидетеля и участника убийства короля Гильома Рыжего...

В это время к нему вошел граф Робер де Мёлан – крепкий рыцарь сорока лет, черноволосый, с густыми и длинными волосами и саксонскими усами.

– Привет, Гуго... – поздоровался граф. – Меня волнует одна малость...

Гуго оторвал взгляд от Парижа:

– Здравствуйте, граф Робер. Что такое может вас беспокоить?..

– Неужели вы, Гуго, заплатите этому мерзавцу и иуде триста ливров?.. – граф развел руки в стороны.

Гуго усмехнулся и махнул рукой?

– Да бросьте вы, граф! Я, что, похож на идиота? Естественно нет! Он получит добрый удар кинжалом...

– Вот, это верно, это хорошо... – потер руками от удовольствия граф, – а то я, признаться, начал беспокоиться, не проболтается ли предатель о моем участии во всем этом...

Гуго посмотрел на графа, оценил важность его фразы и ответил:

– Именно, граф! Наш удар кинжалом не должен отправить его сразу же на тот свет! Иуда должен успеть назвать место, куда, якобы, перевезли архивы...

Граф широко вытаращил глаза от удивления:

– Но, мессир виконт! Мы же так не договаривались!..

– А мы вообще ни о чем с вами, граф, не договаривались! Я привез письмо короля – вашего сюзерена, который предписывал вам, как своему вассалу, всемерно и беспрекословно помогать мне...

– Но, поймите меня правильно! Если они узнают, что это я приложил руку к пропаже бумаг...

Гуго наклонил голову и искоса посмотрел на графа:

– И что? Вы чего-то побаиваетесь?..

– Не то, чтобы побаиваться... – замялся граф Робер, – но, принц может напасть на меня со своей оравой рыцарей и арбалетчиков, чтобы отомстить!..

– За что? Скажите мне, граф, за что вам может отомстить принц и его рыцари? За похищение секретных архивов? Да они под клятвой на Святом Писании отрекутся от существования таких бумаг! А иного повода для нападения вы им не дадите...

Граф, вроде бы, успокоился. Он прошелся по комнате, вздохнул, всплеснул руками:

– Мессир Гуго! И, тем не менее, я настаиваю на том, чтобы вы убили писца! Я не желаю, чтобы рыцари принца брали штурмом один из моих замков или башню, где будут спрятаны на время архивы Сугерия и Филиппа!..

– Они не нападут! Это же прямое нарушение принципов Божьего мира, утвержденного папой Римским! Это же война!.. Открыто они не нападут, они тайно попытаются проникнуть туда, где хранятся бумаги. Они только небольшой группой, от которой всегда можно будут откреститься королю Филиппу, попытаются проникнуть к нам! И, будет просто замечательно, если верховодить ими, будет тот рыцарь, который нужен мне позарез!..

Граф покачал головой, оценивая слова Гуго:

– Хорошо, если все будет именно так. Значит, в случае атаки на мои владения больших сил франков, король Англии немедленно объявит войну Филиппу и...

– И передаст часть секретных бумаг кому надо! Например, Риму и Ватикану!.. Но, пока, мой дорогой граф, это только домыслы. Остается ждать, пока мы не получим бумаги. И надеяться, что вор перед смертью успеет назвать место их хранения. Я же уезжаю немедленно отсюда. Буду ждать вас через две недели в Руане. Пусть суматоха уляжется, после чего, выезжайте ко мне с бумагами...

– Да. Хорошо. Я успею созвать воинов и пригласить мессиров де Монморанси, Кресси и Муши в помощь...

Граф поклонился и молча ушел, оставив Гуго одного со своими раздумьями.

Оставалось только ждать...

Замок Монкруза под Парижем. Кабинет Сугерия. 10 сентября 1100 года.

Жан мелко дрожал. Все его тело содрогалось от страха и подлости, которую он должен был совершить сегодня ночью. Он посмотрел на свои руки. Ладони были мокрыми от пота и перенапряжения, пальцы пробивала мелкая дрожь. Они тряслись, словно сухие семена дере-

вьев под резкими и пронизывающими зимними ветрами. Он ладонью вытер пот с лица, глубоко вздохнул несколько раз, попытался сосредоточиться и немного прийти в себя.

– Господи... – простонал он. – За что ты так испытываешь меня?..

Жан обернулся, опасаясь, что кто-нибудь из слуг может невольно подслушать его слова. Никого не было. Коридор был пуст. Он обтер мокрые ладони о камзол и на цыпочках, словно крадущийся в темноте зверь, направился к дверям кабинета Сугерия.

Вдруг, неясный шум на лестнице заставил его вздрогнуть от страха, его сердце сжалось и забило быстрыми и частыми ударами, которые отдавались колокольным звоном в его ушах и голове.

Жан сглотнул слюну, прижался к стене и нащупал ручку от двери.

«Слава Богу, – подумал он, – это ночная стража обходит периметр дворца. Как раз, прошлую смену они уже обошли этажи. Так, теперь у меня есть около двух часов...»

Жан вспомнил, как довел себя до этого...

«Жан ехал к больной жене, которая работала прачкой в королевском дворце на острове Сите. Скорее всего, она просто простудилась, когда полоскала белье в холодной речной воде.

Он проведаль жену и убедился, что лекарь уже сделал свое дело. Алиса, так звали жену, поправлялась. Горячее питье и примочки из горчицы делали свое дело...»

Жан поехал обратно, когда почувствовал, что сильно проголодался. Теперь, когда все его переживания о супруге и ее здоровье отлегли от его сердца, он вспомнил, что ничего не ел с вечера.

Как на грех, сразу же по выезду с моста находился небольшой трактир, куда он и решил зайти и перекусить на дорожку...

Шум и полумрак помещения не насторожили Жана. Он был совершенно спокоен. На его спине и груди красовались знаки лилий, подчеркивая его принадлежность к службе короны.

Он уже закончил доедать жареного зайца, когда его слух привлек разговор людей за соседним столиком, обсуждавших игру в кости. Сам того не понимая, Жан присел к ним и...

Через два или три часа игры Жан умудрился проиграть все свои деньги и задолжать шулерам, а это были именно они, около пятидесяти ливров серебром. Часть они позволили ему отыграть, они прекрасно понимали, что надо дать невезучему и азартному игроку какой-то призрачный шанс на то, что игра была справедливой, а не обманом с самого начала...

Затем... Затем, к нему подошли несколько незнакомых людей, судя по выправке и поведению – профессиональные воины, которые потребовали уплаты долга или...»

Это «или» и собирался сейчас совершить Жан. Он должен был выкрасть часть секретных бумаг короля Филиппа, которые, как назло, хранились у Сугерия. Они хранились у того, кто слишком многое сделал для несчастного и вконец запутавшегося писца. Именно Сугерий нашел его, полуголодного и оборванного, именно Сугерий пристроил Жана работать в королевскую канцелярию писцом и переписчиком бумаг.

Теперь, Жан решил предать своего благодетеля, «отблагодарив» его кражей секретных бумаг...»

Жан собрался с силами. Дверь медленно открылась, слегка скрипнув петлями. Он похолодел, волосы зашевелились на его голове. Тихо выдохнув, Жан скользнул в темноту комнаты и прикрыл за собой дверь.

Он на ощупь, так как прекрасно знал комнату, пробрался к нише, вырезанной в стене и прикрытой гобеленом. Рука скользнула в темноту ниши и вытащила несколько бумаг, скрепленных какими-то печатями.

«Мелочью они не могут быть, – решил Жан, – Сугерий здесь хранит только особо важные и секретные пергаменты...»

Он отошел от ниши и прислушался. В тишине ночи он слышал глубокое дыхание спящего Сугерия. Жан расстегнул ремешки камзола и засунул бумаги за пазуху...

Неслышной тенью он дошел до двери, тихонько приоткрыл ее и выскользнул наружу.

Он буквально промок от пота за эти несколько минут. Отдышавшись и успокоившись в темной нише коридора, Жан вытер пот с лица и, как ни в чем небывало, прошел по коридору на лестницу. Он быстро спустился вниз и нашел дежурного слугу...

Десять ливров серебром, жалкие и перепуганные глаза Жана сделали свое дело. Шарль отпустил в темноту наступающего утра вора и предателя...

Передача бумаг в обмен на ливры осуществлялась в домике Жана. Его жена была перепугана незваными гостями, которые с раннего утра ввалились к ней в дом, ожидая ее мужа.

Скоро приехал Жан, он о чем-то долго и шумно спорил с гостями. Раздался шум и грохот падающей мебели, звон посуды и крики Жана. Алиса выбежала в комнату из кухни и обомлела.

Жан лежал в луже крови, которая медленно расплывалась по дощатому полу комнаты. Одной рукой Жан прикрывал рану на животе, а второй рукой махал Алисе жестом отчаяния...

– Беги... – прохрипел Жан и закрыл глаза.

Алиса попыталась развернуться, но, чьи-то цепкие и крепкие руки схватили женщину за подол платья и рукав. Она вскрикнула и повалилась на пол, придавленная тяжелым телом мужчины.

Огромная, грязная и волосатая рука убийцы зажала ей рот. Она попробовала вырваться, но ее ноги прижал к полу второй убийца.

Алиса с ужасом и испугом смотрела в лицо бородатого человека средних лет, пропахшего насквозь костром и вонючим запахом навоза и пота.

Оставался третий участник убийства – высокий, статный и красивый сеньор, скорее всего из благородных рыцарей. Его дорогая одежда была богато украшена мехами и шитьем.

Бородач повернул голову к нему и спросил:

– Ее тоже кончать, мессир Гуго?..

Незнакомец, это был Гуго де Биго, молча кивнул. Бородач поднес к лицу Алисы кинжал, на котором была еще неостывшая кровь ее мужа, и сказал:

– Прости. Ничего личного. Это, судьба, знать, была такая у твоего муженька...

Он уже прикоснулся к ее нежной шее, когда второй убийца, коренастый и лысый мужчина непонятного возраста, покосился на Гуго и спросил:

– Мессир, позвольте, мы ее, малость, того... Жаль в пустую убивать такую ягодку...

Гуго отвернулся и пошел к выходу, бросив коротко им:

– Ваше дело...

Алиса попыталась вырваться, но крепкие руки пригвоздили ее к полу. Ее ноги кто-то резко раздвинул и навалился на ее тело своей вонючей и грузной массой. Наглые, холодные и торопливые руки задрали ее юбки...

Она выгнулась всем телом, почувствовав резкий и болезненный толчок, пронзивший ее буквально насквозь. Убийцы радостно захохотали. Алиса потеряла сознание от боли и закрыла глаза...

Убийцы закрыли дверь, и пошли, словно обычные прохожие, по узкой улочке Парижа.

– Да, добрая была бабенка... – чмокнул губами один из них.

– Верно. Извивалась, словно змейка в руках! Просто прелесть... – засмеялся второй убийца.

– Ты, случаем, не помнишь, как ее звали? – Спросил бородач.

– Какая тебе разница... – отмахнулся лысый. – плевать. Сколько их было – всех не упомнишь...

Дорога между Орлеаном и Парижем. 12 сентября 1100 года.

Гонец встретился с отрядом принца Людовика прямо на дороге, тянущейся из Орлеана к Парижу. Людовик ехал впереди группы рыцарей и конных арбалетчиков, подтягивая песню, которую горланили его воины. Настроение у принца было великолепным, которое радовалось прекрасному осеннему утру. Он осадил коня, увидев скачущего к нему на взмыленной лошади всадника. Рыцари подъехали к Людовику и окружили его плотным кольцом. После недавних приключений на турнире в Бурже, Мишель де Нанси и Годфруа де Леви всерьез были обеспокоены возможностью нападения на принца.

Гонец соскочил с коня и припал к ноге Людовика, протягивая письмо Сугерия, его лошадь и сам гонец еле держались на ногах от бешеной скачки.

– Сир! Срочное письмо от монсеньора Сугерия!.. – прохрипел уставший рыцарь.

Людовик взял письмо и крикнул воинам:

– Примите рыцаря! Отнесите его в повозку, пусть отдохнет!..

Он разорвал письмо и пробежал его глазами. Лицо принца посерело, скулы резко выступили на лице. Он зло скомкал письмо, плюнул на землю и свистнул, подзывая к себе Годфруа и Мишеля де Нанси:

– Мессеры! Быстрее ко мне! Большие проблемы!..

Рыцари подъехали. Людовик вкратце обрисовал им неприятность, с которой столкнулись в Монкруа. Рыцари сурово вздохнули.

– Эта беспечность, в конце концов, аукнулась... – плюнул Мишель де Нанси. – Я так и знал...

Людовик посмотрел на рыцарей. Его взгляд остановился на Годфруа де Леви:

– Рыжий! Сугерий умоляет меня, чтобы ты отобрал с десятков верных и проверенных рыцарей и стрелой мчался к нему...

Годфруа грустно вздохнул и развел руками:

– Если вы приказываете, сир...

– Да, Годфруа, я приказываю! И прошу...

– Я выезжаю сир... – Годфруа поклонился и поскакал к отряду рыцарей.

Через час он уже несся бешеным галопом к замку Монкруа в сопровождении десяти рыцарей и десяти оруженосцев, отобранным им лично. Воины взлетали вместе с конями над землей, бешеный темп скачки выбивал комья земли из-под копыт их разгоряченных коней. Они даже не задумывались о том, что многие из них уже никогда не увидят принца, своих родных, приятелей по отряду, не встретят веселое Рождество. Они неслись исполнять приказ, который еще не знали...

Замок Монкруа. 13 сентября 1100 года.

Сугерий выбежал толком не одетый, услышав стук копыт и громкие голоса рыцарей, прискакавших под утро в замок. Он приветствовал воинов и попросил де Леви пройти с ним в комнату для беседы. Годфруа кивнул своим воинам, коротко приказал им отдыхать. Рыцари отвели своих коней в конюшни и прошли на кухню, где их сразу же накормили до отвала.

Сугерий закрыл плотно дверь, пригласил де Леви присесть и произнес:

– Мессир. У нас случилась беда! Один из моих людей, его уже нашли мои рыцари охраны, выкрал некоторые бумаги весьма своеобразного характера...

Годфруа пожал плечами в ответ:

– А я и мои рыцари тут причем? Неужели, монсеньор Сугерий, после моего вояжа на Север, я нужен вам только в качестве палача?..

Сугерий перекрестил:

– Бог с вами, Годфруа! Забудьте о прошлом! Тут, все гораздо интереснее!

– Куда уж интереснее... – покачал головой рыцарь. – Как я понял, теперь от меня не отстанут. Остается один выход...

– Какой?.. – не понял Сугерий.

– На тот свет, как мессир Жан!..

– Бога побойтесь, мессир Годфруа. Я совсем не понимаю, на что это вы намекаете... – заюлил Сугерий, изображая простачка.

– Ладно. Говорите, что нам делать... – махнул рукой де Леви.

– Вот, это совсем другое дело! Узнаю вас, де Леви! Рыцари моей охраны изловили мерзавца, но, к несчастью, бумаг не обнаружили. Мало того, этот иуда был ранен и издох у них на руках...

– И что, нам придется прочесать всю Францию?!..

– Нет, не всю... Только земли графа де Мёлана. – Спокойно ответил Сугерий.

– Да вы, монсеньор, с ума сошли! Граф Робер – вассал короля Англии! Вы представляете, что будет, если он узнает или поймает нас?..

– Да, знаю. – Невозмутимо ответил Сугерий. – Мы откажемся от вас, скажем, что вы сами, на свой страх и риск решили заняться грабежами и разбоем. Вы подбили к этому группу рыцарей, обещали им наживу и богатства, они бросили службу у принца и короля Филиппа. Значит, мы не будем нести ответственность за всё, что вы сделаете... – Сугерий смотрел на Годфруа, наблюдая за его реакцией. – Если конечно вас они смогут поймать живыми...

Годфруа спокойно дослушал его, невозмутимо посмотрел ему в глаза и ответил:

– Я так понял, что у меня и моих ребят нет выбора?..

– Да, мессир рыцарь. Выбора нет ни у кого из нас. Дело просто ужасное, положение и того хуже... Более того, часть этих бумаг позволят дать почву к свержению династии...

– Опять! Опять вы запели старую песню! Династия! Угроза! Сколько можно! Скажите проще... – криво усмехнулся де Леви.

– Проще? Пожалуйста! Если эти бумаги уйдут из королевства – принцу Людовику не видать короны его отца, как своих ушей!.. Просто?!.. Ясно?!..

– Яснее ясного. – Кивнул рыцарь. – Просто и доходчиво. Безо всяких запутанных слов...

– Значит, вы согласны?

– Монсеньор. Если бы я не был согласен, то не приехал бы сюда...

– Спасибо, шевалье...

– На здоровье, монсеньор. А теперь, прошу вас, изложите подробности дела...

Сугерий встал, подошел к двери, прислушался. Успокоившись, что их разговор никто не услышит, он сказал:

– Украдены шесть пергаментов. Три из них скреплены печатями герцога Аквитании с зелеными лентами. Остальные скреплены красными лентами и печатями короля Филиппа...

Годфруа кивнул.

– Жан-писец успел перед смертью прошептать только одно слово – «черный»... Большого от него не смогли добиться. Кроме слова «черный» и бессвязного бормотания, мы смогли установить, что к графу приезжал некий рыцарь. Судя по манерам и акценту, он с севера, скорее всего, из Англии... Рыцарь уехал еще накануне похищения бумаг. Значит, он их не увез, они где-то во владениях графа де Мёлана...

– Понятно, что ничего не понятно... – кивнул Годфруа. – А, есть ли у мессира Робера какие-нибудь сеньории, где есть слово «черный»?..

Сугерий задумался...

– Есть! Есть, мессир рыцарь! Какое счастье, что вы приехали! Свежий взгляд на проблему! Замок «Чернобородого графа»! Шато Контэ-Нуарбруж! Он расположен в семи лье отсюда!..

– Все! Мы выезжаем. У вас имеются кони и арсенал?..

– Да... – растерянно ответил Сугерий. – А, простите, арсенал-то, зачем?..

– Так, надо кое-что захватить в дорогу... – бросил Годфруа, выходя из комнаты.

Сугерий, опасаясь провала и того, что Годфруа может попасть в плен живым и невольно проболтаться о многом, в том числе и о своем участии в английской акции, приостановил рыцаря, почти вышедшего из комнаты:

– Мессир Годфруа! Прошу вас, задержитесь на секундочку!..

Годфруа нехотя повернулся и спросил у него:

– Слушаю вас, монсеньор...

– Видите ли, мессир де Леви, не могли бы вы прихватить с собой парочку моих проверенных людей. Так, знаете ли, для страховки...

– Это еще зачем? – Удивился рыцарь. – Вы мне достаточно полно описали бумаги, которые я, и мои ребята должны будут изъять. Чего же еще?..

– И, все-таки, я настаиваю...

– Если так хотите, пожалуйста! Мне не жалко. Но, прошу об одном, монсеньор. Пусть они не мешаются у меня под ногами. Когда дело выгорит, они первыми просмотрят бумаги. Но, простите, я их им не отдам! Вручу лично вам или принцу!..

– Согласен! Они не будут вам мешать. Они, наоборот, станут вам помогать! Они подготовленные воины...

– Я лично уверен только в своих людях... – холодно заметил рыцарь.

– Ничего, мессир рыцарь. Они уже ожидают вас возле конюшен...

– Ладно. Пусть собираются в дорогу. Они, кстати, писать-то умеют?..

– И писать, и читать, и многое другое... – загадочно произнес Сугерий.

– Тогда – до скорой встречи, монсеньор!..

Годфруа вышел из дворца замка Монкруа и вошел на кухню, где сидели его рыцари.

– Дело неприятное, мессир! Могу сказать только одно – если нас поймают, за нас выкуп платить не станут. От нас откредуются, как от бешеных собак... Вы едете со мной?..

Рыцари встали и громко ответили:

– Да!!! Мы едем с тобой, Годфруа!..

Спасибо, друзья... – грустно ответил им рыцарь. – Пошли в арсенал! Нам надо еще кое-что прихватить с собой в дорогу...

Когда Годфруа с раздражением покинул комнату, Сугерий тихо свистнул. Из-за портьеры, отделявшей комнату от спальни, вышел высокий и крепкий монах.

– Поедете вместе с ними, – кивнул Сугерий, – ваша задача проникнуть в замок и, по возможности, помочь рыцарям обезвредить гарнизон.

Монах молча поднял брови, как бы вопрошая, каким образом необходимо устранить гарнизон.

– Элементарно, Жиль. Возьмете крысиный мор на кухне. И, самое главное, допросите *шателена* замка. Я должен знать все! Кто приезжал, что говорил, когда, как и тому подобное...

Монах молча кивнул.

– Средства можешь применить любые. Твоя задача, чтобы он рассказал все, как на исповеди...

Монах улыбнулся, поклонился и покинул Сугерия.

Через два часа небольшой отряд рыцарей, нагрузив шесть вьючных коней, выехал из замка Монкруа...

X ГЛАВА.

Под покровом ночи.

Лес юго-западнее замка Шато Контэ-Нуарбруж. 14 сентября 1100 года.

Отряд прибыл к замку на следующий день к вечеру. Годфруа приказал оруженосцам скрытно построить в лесу лагерь, а сам вместе с рыцарями незаметно осмотрел замок, скрываясь среди густой листвы деревьев, которые почти вплотную росли вокруг рва замка. Ров был старый, его берега были покаты и заросли ивами, камышом и болотными растениями. Один из рыцарей спустился незаметно к воде, брезгливо потрогал ее, проверяя. Он, скрываясь за кустами ив, поднялся к группе рыцарей:

– Не вода, а сплошное болото... – поморщился он. – Слава Господу, что вода еще теплая...

– Отлично... – кивнул Годфруа. Он повернулся к рыцарям и приказал. – Оставайтесь вы, трое! Осмотритесь, понаблюдайте несколько часов. Определите время смен часовых, слабые места замковых укреплений. В общем, мне вас учить не надо. Всему вас уже научил месьир Антуан де Сент-Омер...

Три рыцаря остались в наблюдении. Годфруа вернулся в лагерь и спросил у старшего оруженосца, которым был Анри-Лотарингец:

– Где эти два урода, которых с нами послал Сугерий? Меня прямо выворачивало от их рож!..

Анри развел руками:

– Сеньор. Они переоделись монахами, и пошли в замок...

– Вот сволочи! Они же могут все испортить!.. Чуюло мое сердце – не стоило соглашаться и брать их с собой...

Анри пожал плечами:

– Простите, сеньор. Так получилось. Пока мы обустроивали и маскировали лагерь, эти гады свалили...

– Ладно, не переживай... – махнул рукой Годфруа. – С лагерем все в порядке? Как кухня?..

– С кухней пришлось повозиться, сеньор. Отрыли землянку и устроили дымоотвод в сторону, используя сухие стволы с гнилыми сердцевинами...

– Прекрасно. Посмотрим позднее...

Под самое утро вернулись три рыцаря, оставленные в разведке возле замкового рва. Они собрались, уже было, доложить рыцарю, когда Годфруа сказал:

– Для начала пришлите толкового оруженосца, чтобы начертил карту дорог и расположение мостов, переправ, деревень и самого замка сеньора Робера...

Прибежал молодой оруженосец, и через час подробный план местности был готов. Писец оказался толковым малым, он часто рисовал и знал приблизительное устройство замка, в который они собирались тайно проникнуть. По меркам того времени, месьир Робер де Мёлан считался знатным владельцем, имел право распускать большое графское знамя. Судя по всему, в этом замке у него в подчинении было человек тридцать рыцарей, расположенных гарнизоном в замке и соседних деревенских домах, и небольшой отряд пехотинцев, человек около ста, преимущественно наемники и различные темные личности. На первый взгляд, ситуация была не в пользу Годфруа. Но, как предположил де Леви, месьир де Мёлан не знал о том, что враги уже около замка. Это было важным преимуществом. Не знал граф Робер и то, успел сказать перед смертью предатель или нет.

Замок Шато Контэ-Нуарбруж. 15 сентября 1100 года.

Стоя на дозорной площадке донжона, кастелян замка рассматривал окрестности, пытаясь найти следы пребывания врага. На днях к нему прибыл перепачканный гонец от графа Робера.

Он привез какие-то бумаги, которые кастелян убрал к себе в комнату донжона, и приказ графа о немедленном усилении охраны замка. Гонец добавил, что враги его сеньора могут напасть на замок в ближайшие дни. Кастелян молча взял бумаги, кивнул в знак согласия с приказом своего хозяина, приказал выдать свежую лошадь и отпустил спешившего назад гонца. Приказ графа показался ему странным и немного подозрительным. Осаждать каменную твердыню, которую толком ни разу не смогли взять даже шустрые и внезапные норманны в VIII-IX веках, было делом бесполезным...

Замок был выстроен на болотистой местности, изрезанной множеством речушек и протоков.

Мессир Робер де Мёлан – старший, еще при жизни начавший строить новый замок, приказал насыпать огромный холм, выбросив всю землю из глубокого и широкого рва, глубиною в пять, а шириною в восемь-десять *туазов*, который был постоянно заполнен водой из окрестных болот и речушек. Вокруг холма его сын, мессир Робер – младший, теперешний владелец замка, выстроил крепкую стену-часток из больших бревен, снабженных закрытыми от стрел дозорными площадками по всей длине *куртин* и восемью башнями, также деревянными, но крытыми сверху. Внутри большого замка находилась цитадель, включающую в себя донжон, два высоких этажа которого были сложены из привозного камня. К нему были пристроены сверху еще два деревянных этажа, снабженные бойницами и закрытыми стрелковыми галереями, выступающими несколько вперед над стенами донжона. Это позволяло сеньору и его гарнизону вести прицельный огонь, лить масло и кипяток на головы осаждавшим врагам. Склоны, возле крепостной стены, были утыканы острыми кольями, торчащими в разные стороны под небольшим углом, чтобы затруднить попытку штурма врагу.

Шателен еще раз оглядел леса, но ничего подозрительного он не увидел. Рыцари, вернувшиеся вечером из соседних деревень, доложили, что крестьяне также не видели никого из чужаков или подозрительных людей.

– Глупость какая-то... – сказал он и пошел спать. – Даже, если нас станут штурмовать, у меня припасов в башне на два года осады...

Немного насторожило кастеляна неожиданное прибытие в замок двух монахов-паломников, возвращавшихся из Испании, где они поклонялись мощам Святого Жака. Они пришли поздно вечером пешком и постучали в ворота. Охрана и привратник впустили их и провели к кастеляну, который играл в кости во дворе замка.

Он оторвался от игры и спросил монахов:

– Святые отцы, что-то поздно вато вы постучались к нам в замок...

Монахи поклонились и один из них, высокий и широкий в плечах, сказал:

– Мессир, мы испугались темноты. У нас с собой есть немного святых предметов из Испании, побоялись стать жертвой грабителей и разбойников.

– А-а-а... – кивнул головой кастелян. – И, много у вас сокровищ?..

Монахи переглянулись и ответили почти дуэтом:

– Мессир, наши сокровища, более духовные, нежели земные...

Кастелян засмеялся:

– Знаю я вас, монахов! Всегда прячете под рясой кошель с серебром!

Один из монахов вздрогнул, но, взял себя в руки и ответил:

– Что вы, мессир! У нас есть несколько *денье*, и только... Мы живем подаянием всю дорогу от Сен-Жак-де-Компостель. Из всех сокровищ, у нас только два посоха, сделанные из веток ливанского кедра, несколько зубов Святого Иеронима, четыре маленьких перышка из крыла ангела, да гость земли с могилы Святого Жака...

Кастелян и воины, игравшие с ним в кости, перекрестились, но не перестали смеяться. Кастелян оглядел монахов. Он был поражен их ростом, силой, которая проглядывалась сквозь

сутану, и, какой-то скрытой решимостью, показавшейся ему подозрительной. Но, больше всего, он был поражен видом посохов у монахов.

– Да! Ничего себе, веточки ливанского кедра! Ребята, – он повернулся к игрокам в кости, – это просто палицы какие-то, а не посохи!..

Один из монахов побледнел, но второй, которого звали Жиль, ответил:

– Мессир! О чем вы говорите! Вы посмотрите, разве они похожи на палицы? Посохи совсем дряхлые, кривые... Ими и собаку-то не прогонишь...

– Ладно, пошутил я! – ответил шателен замка, бросая кости. – Что, и пошутить нельзя?

Он посмотрел на кости, выпавшие из его стакана:

– А, черт! – выругался он. – Что за невезение сегодня!

Монах вздохнул и сказал:

– Не гневите Господа нашего. Не произносите имя лукавого...

Он грозно пригрозил пальцем. Кастелян и воины перекрестились.

– Можете разместиться в башне. На самом верху вам будет удобнее обращать молитвы к Богу...

Монахи поклонились и ответили:

– Спасибо тебе, рыцарь...

Кастелян махнул рукой:

– Не стоит, святые отцы! К тому же, я и не рыцарь вовсе...

XI ГЛАВА.

Захват донжона.

Лагерь в лесу, юго-западнее замка Шато Контэ-Нуарбруж. 16 сентября 1100 года.

Годфруа де Леви решил штурмовать ночью замок. Даже это был не штурм, а тайное проникновение в замок под покровом ночи. Он лично инструктировал десятерых рыцарей, для которых Сугерий придумал одно крайне рискованное и опасное предприятие:

– Мессир рыцари. Короне и принцу угрожает серьезная опасность. Я выбрал Вас для одного опасного предприятия, успешное исполнение которого не забудет король и принц Людовик. Но, о нем вы никому и никогда не сможете рассказать...

– Слушаем Вас, мессир Годфруа... – ответили десять воинов.

– Для начала пообещайте мне, что все сказанное здесь и сейчас не станет достоянием лишних ушей...

– Клянемся... – ответили они.

– Тогда к делу. Когда стемнеет и пройдет три смены стражи на стенах, по моему сигналу нам надлежит переплыть ров с тыльной стороны замка. И, хотя он несколько обмелел, но все еще достаточно глубок. При этом ров, в месте предполагаемой атаки, шире остальных секторов, но стена там несколько ниже. По ней мы незаметно и тихо поднимемся, снимем стражу и проникнем в донжон. Я думаю, что большинство людей мессир шателен замка (де Леви всегда уважительно относился к своим противникам и требовал этого от подчиненных ему людей) разместил возле ворот и башен возле моста. Ежели, нам не удастся быстро захватить донжон или закрыться изнутри в нем, станем отступать через место проникновения к лагерю. В общем мессир, риск очень велик. Нечто подобное проделал в свое время сам Шарль Великий, когда захватил предводителя графства Бретань в его замке, чем крайне удивил его и склонил к подчинению и уплате большой дани. Именно после этого предприятия, можно сказать уверенно, Бретань вошла в орбиту тесных отношений с королевством франков... – рассказал свой план

Годфруа де Леви, добавив исторический факт, чтобы вдохнуть бодрость и уверенность в силах у рыцарей.

– Согласны с вами, мессир де Леви! – Ответил один из рыцарей. – Дело, действительно, рискованное и дерзкое до безумия. Но, также до безумия оно гениально и просто! Теперь мы понимаем, для чего всех нас гонял в латах по холодной воде мессир Антуан де Сент-Омер, вот для чего мы нахлебались ее до рвот и поносов!..

Рыцари весело засмеялись, вспомнив старого и ворчливого, но доброго и сердечного, наставника. Годфруа улыбнулся вместе с ними, но, несколько грустно.

– Мы согласны, сеньор де Леви! Мы скорее умрем, чем подведем вас лично и Его высочество принца Людовика!.. – сказали они почти хором.

– А, вот умирать вовсе и не нужно. Нужно просто все сделать тихо, организованно, быстро и без лишней игры в героев. – Проворчал мессир Годфруа. Он не мог нарадоваться, глядя на этих молодых, полных задора и безумной отваги юнцов, каждому из которых было в среднем лет по семнадцать или восемнадцать. Он вздохнул, чтобы скрыть свои нахлынувшие эмоции, рыцарю негоже быть сентиментальным, и сказал:

– Ступайте, отдыхайте. И да поможет всем нам Господь Вседержитель...

Рыцари поклонились и покинули палатку. Годфруа украдкой перекрестил их, приговаривая:

– Дай бог вам вернуться живыми, храбрые и верные рыцари...

К четырем часам после полуночи, как раз, после третьей ночной смены караулов, рыцари незаметно подошли ко рву замка...

Годфруа тихо свистнул, давая сигнал начинать их опасную миссию...

Познакомимся и мы с этими отчаянными храбрецами. Вот их имена. Рыцарь Пьер де Пуасси, бастард; рыцарь Рауль Ле Бутэле де Санлис, рыцарь Ренальд де Бимон, рыцарь Гильом де Мело, рыцарь Жан де Гарланд, рыцари Анри де Прален, Рене де Ла Ниотр, Мишель де Шерни, Жан де Коркен, Жак де Лалэн и Рауль де Бризе. От силы, умения и храбрости этих юношей зависела судьба короны Франции...

Рыцари, по совету де Леви, решили не надевать тяжелые стеганные гамбезоны, а надели плотные кожаные куртки и поверх них укороченные кольчуги. Шлемы не надевали, только кольчужные капюшоны поверх войлочных шапочек-валиков. Вместо громоздких щитов, рыцари взяли мечи, шестоперы и легкие короткие испанские арбалеты. Три рыцаря прихватили вместо арбалетов секиры. Четырех веревок с крючками на конце должно было хватить для быстрого подъема. Группа незаметно отделилась от лагеря и заняла место в кустарнике, напротив тыльной стены замка.

– Мишель, ты самый глазастый. Смотри внимательнее, много ли народа на стенах? – Спросил Мишеля де Шерни рыцарь Гильом де Мело.

– Прямо напротив нас отчетливо вижу троих. Один сейчас зашел в башню, двое стоят и о чем-то оживленно разговаривают между собой... – ответил Мишель, – хотя, подожди, в башне слева вижу троих, но, сколько их еще может там быть – не знаю...

Рыцари увидели, что на стенах замка часовые больше не появлялись. Скорее всего, они ушли в башни, и решили поспать под утро...

– Ну что? Пора? – Нетерпеливо спросил Жан остальных. От возбуждения и переживания, у него пересохли губы, и несколько осип голос.

– Нет! Ждем сигнала командира... – отрезал Рауль. – Годфруа знает, когда мы поплывем через ров.

Годфруа тихо свистнул. Смелчаки осторожно спустились в ров и поплыли в сторону замка. Это было тяжелое испытание. Даже плаваньем это было трудно назвать. Кольчуга, хотя и

укороченная, вместе с оружием тянули ребят на дно, но они, вдыхая воздух, ныряли, достигали илистого дна несколько обмелевшего рва, отталкивались вверх и вперед.

Так, они добрались до стены, начинавшейся прямо у кромки воды. Стена в этом месте была ниже, чем остальные в замке. Мишель, Жан и Гильом смогли быстро забросить свои веревки с крючьями на конце и начали подниматься на стену, перебирая веревку руками и упираясь ногами в стену. Четвертую веревку, как назло забросить толком не удалось и рыцари ждали, когда взберутся на стену Мишель, Жан и Гильом. Наконец, троица первых влезла на стену и, незаметно пробравшись в правую от стены башню, перерезала горло двум зазевавшимся копейщикам, оставленным кастеляном замка для охраны тыльной стены. Остальные восемь рыцарей также благополучно забрались на стену и спрятались в башне. Как раз в это время, из башни слева окликнули убитых:

– Жак! Бернар! Что молчите? Заснули, что ли, уроды?!

Воины растерялись, но Анри крикнул в ответ:

– Мы тут в кости режемся, если хотите, подходите, поиграем на деньги! Тут Жак уже продулся, он и покараулит на стене, а мы поиграем пока!..

– Ладно! Сейчас идем! – Раздалось в ответ. – Один дьявол, скоро погибнем! Так, хоть кинем пару раз кости, пока наши собственные кости не загремели в ад!..

Из башни вышли двое, один в кольчуге и шлеме, вооруженный копьем, второй в кожаной куртке, обшитой металлическими бляхами, с мечом на поясе и арбалетом в руках, и пошли к башне, где спрятались наши воины.

– У первого пика, он ее оставит у входа в башню. Его мы легко уберем с дороги. У второго – арбалет, это уже хуже, может успеть выстрелить или закричать... – прошептал всем Ренальд.

– Не успеет... – спокойно ответил за всех Рене де Ла Ниотр, снимая с плеча короткий арбалет. – Если попытается дернуться – уложу на месте.

В это время, первый часовой поставил свою пику у входа в башню и, нагнувшись (он был исполинского роста и чудовищного сложения), вошел в помещение караульной площадки башни. В это мгновение сильнейший удар по шее шестопером ему нанес Гильом. Враг крикнул и стал валиться на пол. Чтобы не было слышно звука упавшего тела, его подхватили под руки и быстро оттащили в угол башни. Второй, на мгновение замедлился, словно что-то услышал или почувствовал. Он попятился и крикнул:

– Ансельм! Ты что там, споткнулся что ли?..

В ответ тишина. Часовой резким движением хотел, было, вскинуть арбалет, и попытался пятиться назад к входу в свою башню, но не успел. Стрела из арбалета, пробив часовому горло навылет, вонзилась в стену деревянной башни.

– Успел, слава богу... – прошептал Рене, вытирая огромные и блестящие капли пота со лба. – Я боялся, что он закричит и обнаружит нас...

– Нас и так скоро обнаружат. Давайте быстрее к той башне, снимем его и спрячем. Потом, вниз и напрямиком к донжону. Если повезет, успеем его захватить. – Сказал Годфруа.

– Хорошо, только давайте разделимся. Трое пусть идут к башне убирать этого мертвяка, остальные же пусть спускаются вниз и направляются напрямик к донжону... – предложил Мишель.

– Верно, так лучше... – согласились все.

– К башне пойду я... – сказал Рауль.

– И я, и я... – добавили Рене и Пьер.

– Ну, с Богом! – сказал де Леви, и они разделились.

В это время трое воинов вышли из своего укрытия в башне и направились по стене в сторону другой башни, чтобы убрать тело убитого из арбалета. Остальные рыцари стали спускаться по винтовой лестнице вниз, как тут же увидели, что из донжона вышел вооруженный до зубов воин, который посмотрел в их сторону. Ему трудно было рассмотреть в темноте воинов:

– Что вы там делаете?! Оставляйте двоих на охране стены, а сами быстрее ко мне! Шевелитесь, иначе всем нам болтаться на деревьях сегодня же!..

Он повернулся, но, видимо почувствовал что-то неладное и подозрительное, снова повернулся и крикнул:

– Эй! Что-то я вас не припомню по одежде!..

В это же время, он увидел тело его знакомого Жюля, пронзенное стрелой и лежавшее теперь возле башни бездыханным.

Огюст (это был он) хотел, было, крикнуть тревогу, но не успел. Гильом не выдержал и уложил его точным выстрелом из арбалета. Огюст, хрипя и обливаясь кровью, упал неподалеку от входной двери в донжон.

– Всё! Теперь бегом к донжону! Если его спохватятся раньше, чем мы успеем к башне – мы пропали! – Закричал ребятам Гильом, бросая арбалет на землю. Они побежали к донжону. Дверь уже собирались закрывать, но они рванули ее с такой силой (она открывалась наружу), что буквально вытащили охранявшего ее разбойника вместе с дверью.

– Ну что еще? – Спросил обалдевший от сильного и внезапного рывка двери охранник. Он увидел прямо перед своим носом громадное тело в укороченной кольчуге с занесенной над головой секирой, а чуть поодаль – мертвого Огюста в луже крови со стрелой в голове. Он не успел ничего сделать и Мишель своей секирой раскроил ему череп...

Шателен замка ожидал возвращения Жюля, которого он послал с обходом крепости.

– Где этот мерзавец? – Спросил он сам себя.

– Мессир хозяин. Огюст остановился, чтобы проверить людей, что были на тыльной стене замка... – ответил оруженосец. – Видите, вон и они. Только, зачем это они заходят в донжон, вместо того, чтобы охранять стены?

Шарль (так звали шателена замка) увидел, как неизвестные ему воины в кольчугах и при оружии забегают в его донжон, туда, где находятся важные документы и все припасы!..

– Проклятие! Это французы! Всем вниз! – Приказал он воинам.

Шарль выхватил арбалет у одного из них, быстро прицелился и выстрелил в спину последнему входившему в дверь донжона....

Восемь воинов, убив привратника, стали тихо входить в донжон. В это время, они услышали крики тревоги и поняли, что обнаружены врагом.

– Скорее, скорее сеньоры! – торопил всех Анри, прикрывая отряд с тыла. – Эти гады нас заметили и бегут сю....

Он не успел договорить. Стрела из арбалета попала ему в спину, пробила кольчугу, кожаную куртку под ней и вышла из груди. Он пошатнулся от сильного удара, как-то сразу ослабев, но, чувствуя солоноватый вкус крови у себя во рту, собрался с последними силами, вошел в донжон и закрыл дверь за собой на засов. Потом, у него поплыло все перед глазами, завертелось, закружилось и покрылось мраком. Анри умер. Их осталось семеро, не считая трех рыцарей, которые остались в башне для организации отхода...

– Анри! Анри! Что с тобой! – Крикнул Пьер и увидел, что его друг убит наповал стрелой из арбалета.

– Скорее, закрывайте засовы входной двери! – Крикнул Годфруа.

– Это кто еще там? – Раздалось сверху. По лестнице вниз спускались двое...

– Арбалеты... – тихо сказал де Леви.

Раздались два последовательных щелчка и двое спускавшихся, один за другим, по очереди свалились и кубарем покатались вниз по витым ступенькам, сраженные арбалетными стрелами.

– Пьер! Жан! Возьмите оставшиеся пять арбалетов, завалите, чем попадется, вход и держитесь, сколько только сможете. Я остаюсь с вами, вы вчетвером наверх! Надо успеть подать сигнал ребятам в башне у рва и проверить, есть ли еще враг в донжоне! – Крикнул де Леви и побежал по лестнице наверх, трое побежали следом за ним. Они не знали, сколько в донжоне осталось еще воинов.

Один из вражеских воинов встал на площадке лестницы второго этажа с мечом в руках, пытаясь преградить путь атакующим. Другой спрятался в большой зале башни, где находилась жена кастеляна с документами, и закрыл на засов дверь.

Четверка воинов стала теснить врага с площадки башни и, довольно-таки быстро, разобралась с ним. Они стали секирами разбивать дубовую дверь, чтобы быстрее пробраться на третий этаж и крышу донжона, откуда можно подать сигнал о захвате главной твердыни замка.

Тем временем, в замке объявили тревогу. К донжону подбегали вооруженные воины с факелами...

Три рыцаря внизу, не взирая на удары врагов по двери топорами, укрепляли и заваливали вход в башню.

Они поднялись немного вверх по лестнице и, приготовив арбалеты, стали ждать, когда враг разобьет входную дверь и вломится внутрь башни, чтобы успеть расстрелять его из оставшихся заряженных арбалетов и попытаться дорого продать свои жизни в рукопашной схватке, дав своим товарищам укрепиться на втором и третьем этажах донжона.

– Драться будем по очереди! Лестница тут узкая. Только один из врагов сможет подниматься вверх... – сказал Годфруа.

– Тогда первым буду драться я, пожалуй! – Сказал Рене.

– Ладно, вторым, если не возражаете, буду я. – Сказал Жан.

– Хорошо, мессир рыцари. То, что Вы не доделаете с этими уродами, с Вашего позволения, dokonчу я... – улыбнулся товарищам Годфруа.

Они обнялись, словно прощаясь. Этим жестом они братались и, одновременно, клялись друг другу в верности и чести перед лицом неминуемой смерти.

– Теперь мой папенька точно перестанет называть меня «Рене Никчемный»... – грустно сказал вслух Рене де Ла Ниотр...

Дверь на втором этаже донжона, наконец-то, поддалась и разлетелась под мощными ударами секиры Мишеля. Они слышали, как внизу трещит входная дверь, и спешили пробиться на второй и третий этажи башни, чтобы успеть захватить документы.

Мишель вбежал в залу башни с секирой в руках и немного растерялся, увидев вместо врага, кучу прислуги, сбившейся в угол и дрожащей от страха, и испуганную женщину, несомненно, благородного происхождения, прижимающую к себе какие-то свитки, большие глаза женщины были расширены от ужаса и, казалось, готовы были вылезти из век.

– Не пугайтесь, благородная сеньора! Мы, рыцари Его высочества принца Людовика Французского! Отдайте нам бумаги, вам ничего не угрожает! – Шагнув вперед, сказал Мишель и опустил секиру вниз. Он не увидел спрятавшегося за дверью последнего оставшегося врага, который внезапно ударил его мечом по затылку...

Все поплыло перед глазами Мишеля, и он, обливаясь кровью, упал мертвый на каменный пол башни.

– Ах ты, мразь! – крикнул Рауль и третьим ударом меча убил подлого разбойника.

– Сеньора! Есть ли еще мужчины с оружием в башне? – Спросил де Леви у сеньоры.

– Нет, здесь нет... – ответила она и села на кровать, прижимая свитки.

– А, на других этажах?..

Она закивала головой:

– Десять воинов и мой супруг. Он шателен этого замка...

– И все?..

– Нет, сеньор, там еще двое монахов. Они пришли вчера вечером. Они паломники и богомольцы. Шли пешком из Испании... – испуганно затараторила женщина.

Рыцари усмехнулись:

– Рекомендую настоятельно Вам отдать мне бумаги добровольно. После чего, сесть в дальний угол и прикрыться чем-нибудь. Боюсь, что скорое зрелище будет не совсем подобающим для глаз мадам... – сдерживая клокотавшие в нем эмоции, вежливо и учтиво сказал Годфруа. Он резко повернул голову и крикнул своим воинам. – Ренальд! Прошу тебя! Живо наверх, пробивайся с рыцарями до самой крыши! Убивай всех! Донжон должен быть полностью очищен от врага! Никто не должен опознать нас в лицо, если мы уйдем отсюда живыми и здоровыми. А мы с тобой, Гильом, побудем пока здесь...

Шателен замка Шарль понимал, что спасти донжон уже практически невозможно, решив пробиваться вниз с верными и проверенными воинами:

– Ребята! Пробьемся вниз! Враг малочисленнее и не ожидает контратаки с нашей стороны! Пойдем только с мечами и секирами, лестницы достаточно узки! Документы не должны уйти из замка!..

Шарль отбросил щит, показывая пример бесстрашия и решимости. Он взял в обе руки меч и шестопер, и хотел, было, бросился на рыцарей из отряда де Леви, стоявших за закрытой дверью последнего этажа донжона...

– Всем бросить оружие! Живо! Иначе ваш командир будет убит! – Громко крикнул один из монахов, выхватив длинный кинжал с тонким и узким лезвием, который был спрятан в посохе. Монах схватил Шарля за волосы и приставил кинжал к его горлу. Второй монах стоял перед ним, служа живым щитом, он вращал свой длинный и крепкий посох в руках, готовясь отразить нападение.

Воины растерялись. Монах «Жиль» немного придавил кинжал к горлу. По шее кастеляна пробежала маленькая струйка крови.

– Бросайте оружие, олухи! Меня сейчас зарежут, как барана!.. – Шателен испуганно тарашил глаза. – Бросайте оружие, черт бы вас всех побрал!..

Воины нехотя побросали оружие.

Монах, который был вооружен посохом, быстро бросил его и подобрал шестопер и меч. Он открыл дверь, буквально столкнувшись лбом с рыцарями отряда де Леви.

– Входите, мессеры! – Сказал монах. – Помогите мне связать их всех.

Рыцари от удивления ничего не смогли сказать. Они вбежали и стали связывать воинов...

Входная дверь в донжон готова уж рухнуть под ударами секир и топоров врага. Годфруа и два рыцаря стоят чуть выше на лестнице и ждут появления врагов, чтобы разрядить пять арбалетов. Дверь падает с грохотом, выбитая противником, и враг врывается внутрь донжона.

– Залп! – Командует де Леви, и три стрелы валят нападавших, пробивая их навывлет. Троица бросает ненужные арбалеты на лестницу и разряжает два последних, убивая еще двух противников, появившихся в просвете выбитой двери. Видно отчетливо, как один из раненых врагов медленно сползает вниз по стене башни, оставляя за собой широкий кровавый след...

Рыцари отступают вверх по лестнице. Первым, нападающих встречает Рене, который отбросил щит и бился мечом и шестопером. Только сейчас он понимает, для чего их так долго и нудно учили биться один на один в узких местах. Именно сейчас, на этой винтовой лестнице донжона, где он сошелся лицом к лицу с разъяренным противником, его мозг начал выдавать четкие и уверенные команды телу и рукам. Жан вел бой интуитивно, как учил его мессир Антуан де Сент-Омер. Он автоматически, волнообразно, без сильного замаха (мог разлететься меч от удара о потолок) стал наносить удары по врагу, меняя и варьируя ритм и скорость ударов. Через минуту первый противник упал и покатился вниз по лестнице. Враги не могли применить на узкой винтовой лестнице арбалеты и пики, поэтому вступали в схватку один за другим.

Свалив, таким образом, еще двоих, Рене получил небольшую, но довольно-таки неприятную, рану на левой руке. Он уступил место Жану:

– Давай! Твоя очередь!..

– Ну, что притихли, уроды! Я жду вас! – Крикнул Жан врагам.

Годфруа, тем временем, стал бинтовать руку Рене, пытаясь остановить кровь.

Враг, потеряв уже восьмерых убитыми и ранеными, не собирался сдаваться. Атаки на смельчаков продолжились. Вот уже и Жан, разобравшись с двумя нападавшими, устал и попросил смену:

– Мессир де Леви! Давай, меняй меня! Я отдышусь немного!..

– Отходи, я заступаю! – Буркнул Годфруа и занял место подуставшего товарища.

Жан немного отдышался и склонился над раненым Рене:

– Ну, как? Сильно беспокоит рука?..

– Вашими молитвами. Слава богу, что зацепили левую руку. Перебинтуй ту же и помоги закрепить намертво на руке щит. Так и я смогу вам помочь, когда совсем плохо станет... – улыбнулся серыми губами Рене.

На другом этаже башни воины также подготавливали все подручные предметы для перекрытия лестницы на случай, если троица их товарищей внизу не сможет больше удерживать наседающих врагов.

– Ренальд! Останьтесь, прошу вас, на этаже и проследите, чтобы наши подопечные не вздумали сотворить нам какую-нибудь пакость за спиной. – Попросил один из рыцарей. – Мы же с Гильомом спустимся вниз и поможем ребятам сдерживать противника. Чем дольше продержимся, тем больше врагов сумеем убить, значит, тем легче будет пробиться нам к выходу...

– Хорошо. Только вы, если почувствуете, что не сдержите больше врага, уходите к нам. Мы завалим лестницу мебелью и прочим скарбом, все же легче будет обороняться группой. Нам будет скучновато крушить их в одиночестве... – под конец разговора попытался острить Ренальд.

Пьер и Гильом спустились вниз на подмогу своим друзьям как раз в тот момент, когда они уже практически выбивались из последних сил.

– Дайте и нам чуток поразмяться с этой сволочью!.. – крикнул Гильом и, подвинув уже порядком ослабевшего и немного раненого Годфруа, бросился на врага.

– Матерь божья! Да их там что, целый легион?! – Завопили внизу враги, увидев перед собою новое лицо противника.

– Да! Ты угадал! – Крикнул Гильом и со всего размаха заехал шестопером по шлему врага. Враг упал. Противник внизу несколько растерялся, но прекращать атаку не собирался.

Вдруг внизу послышалось какое-то оживленное и возбужденное обсуждение и противник, видимо один из командиров штурмовавших донжон бандитов произнес:

– благородные сеньоры! Если наш шателен захвачен вами, мы не будем продолжать бой.

В это время сверху крикнули:

– Эй, разбойнички! Мы захватили на крыше шателена замка и его воинов!..

Воины противника внизу замаялись в нерешительности. Они не знали, что им делать. Вдруг, кто-то из них крикнул:

– Мы сдаемся! Милостиво просим принять наше оружие в знак того, что мы сдаемся на милость таких храбрых и, без сомнения, благородных шевалье, как вы!..

Воины на лестнице замерли в недоумении. Что это – ловушка и очередная уловка подлого врага или, правда...

– А вот сейчас мы посмотрим вниз и потом решим, как нам с вами поступать! – Ответил сверху за всех де Леви. – Эй, Ренальд! Глянь, пожалуйста! Что там творится на верхних этажах!

– Минуту, Годфруа! – Донеслось с верхнего этажа донжона.

Через некоторое время, казавшееся вечностью для наших смельчаков, сверху раздался взволнованный, но бодрый голос Ренальда:

– Отлично! Башня захвачена, мессир де Леви! Эй! Господа разбойники! Мы принимаем вашу сдачу и засвидетельствуем, что вы храбро сражались!..

Годфруа и воины с осторожностью спустились вниз и обезоружили противника, связав их.

XII ГЛАВА.

След пропавшего пергамента ведет в Руан.

Замок Шато Контэ-Нуарбруж. 16 сентября 1100 года.

На полу, на коленях стояли двенадцать безоружных бандитов, а возле них сидели на стульях пять живых рыцарей вместе с Годфруа де Леви, исполнив это трудное задание. Шестой воин, это был истекающий кровью Рене, лежал неподалеку и сжимал в руке свой меч. Два рыцаря из его отряда были убиты.

Годфруа молча поднялся вверх. Ему было интересно, как его воинам удалось захватить в плен шателена замка и его воинов, спрятавшихся на крыше. Когда он поднялся, его удивлению не было предела.

Два слуги Сугерия деловито вязали пленных. В их четких и уверенных движения ощущалась рука профессионалов.

– Поздравляю... – с удивлением в голосе сказал де Леви одному из них. – Как это у вас получилось?..

– Очень просто, мессир... – повернул голову один из них, продолжая связывать пленных. Он кивнул в сторону шателена. – Нас, как монахов, он сам отвел в башню. В момент штурма, когда они... – он пнул воинов, лежавших на полу, – собрались броситься на прорыв, мы с другом схватили шателена Шарля и приставили к его горлу кинжал, заставив врагов сдаться. Верно, мессир кастелян?..

Он наклонился к связанному. Шарль кивнул и сказал:

– Верно...

Слуга Сугерия посмотрел на де Леви:

– Документы нашли?..

Годфруа кивнул в ответ.

– Прекрасно! Не могли бы вы показать мне их?..

Годфруа протянул бумаги, слуга пробежал их мельком, ответил:

– Это именно они. Вот, только одна мелочь...

– Что за мелочь? – Удивился Годфруа.

– Одного документа нет!..

– Как? Здесь же шесть пергаментов!.. – Годфруа еще раз пересчитал бумаги. – Да, шесть...

– Мессир. Один из этих документов не наш.

– Ладно. Пора выходить из замка. А что мы будем делать с ними и женщиной? – Спросил де Леви.

– Не ваше дело. Мы сами позаботимся о них...

– Но, они смогут опознать нас...

– Нет. Они уже ничего не смогут... – ответил слуга Сугерия и показал красноречивый жест по горлу.

– Нет! Они же пленные! Они же сдались на милость...

– Уходите, мессир де Леви. Мы окажем им «милость»...

Годфруа де Леви спустился вниз и приказал рыцарям покидать замок, захватив тела погибших товарищей.

Они взяли коней, которых нашли в конюшне замка, открыли ворота и выехали навстречу занимающейся заре нового дня.

Проехав мост, Годфруа обернулся, услышав жуткий крик женщины...

«Прости меня, Господи...» – прошептал он, пришпоривая коня.

Рыцари въехали в лагерь, везя с собой тела двух убитых друзей и одного раненого. Оруженосцы были просто поражены, когда слышали рассказ о быстром и решительном захвате замка...

– После обеда сворачиваемся и двигаем к Парижу! – коротко бросил де Леви и пошел в палатку спать. Он обернулся и сказал Анри-Лотарингцу. – Охраняй меня. Никого не пропускай ко мне. Когда придут из замка два монаха, аккуратно обезоружь их и свяжи покрепче...

В это время монахи «заялись своим делом». Один из них спустился вниз и спокойно, словно он резал хлеб, заколол всех пленных, которые сдались и сидели связанными по рукам и ногам рыцарями отряда де Леви. Он поднялся наверх, зашел на второй этаж, где лежали и сидели связанные слуги и жена шателена, закрыв за собой тяжелую дверь. Слуги слышали жуткие крики снизу, которые затихли. Теперь, они увидели перед собой жуткую картину, словно пришедшую к ним из кошмарного сна или из ада.

Монах в окровавленной сутане приближался к ним. В его руках, запачканных до самых локтей кровью убитых воинов, поблескивали тусклым светом кинжалы. Слуги закричали и попытались отползти в дальний угол, в тщетной надежде спастись. Монах быстро прикончил их одного за другим, схватил за волосы связанную женщину, которая в беспомощности лежала на полу, и поволок ее наверх, где Жиль собирался начать пытать ее мужа.

Монах, тяжело отдуваясь, втащил женщину и бросил ее на пол.

– Как там? – Спросил его Жиль, не отрывая взгляда от связанных воинов и кастеляна.

– Готово. Быстро и спокойно... – ответил монах, вытирая о рукав сутаны кинжалы.

– Давай, принимайся за этих... – Жиль кивнул ему на связанных воинов.

– Ладно... – невозмутимо ответил лже-монах и стал приканчивать связанных воинов замка.

Скоро в живых остался только шателен и его жена. Жиль потрянул его, приводя в чувство, и спросил:

– Где пергамент? Где один документ?..

Тот, шокированный увиденным убийством своих солдат, не мог ничего ответить. Он только плакал, качал головой и мычал, издавая нечленораздельные звуки.

– Он, что, с ума сошел?.. – спросил Жилия лже-монах.

– Не уверен. Просто, он подавлен... – тихо и спокойно ответил Жиль. Он нагнулся к шателену. – Или, ты расскажешь нам всю правду, или...

Он повернулся к лже-монаху и сказал:

– Аккуратно, прошу тебя, подрежь связки на ногах у его жenuшки...

Женщина закричала, стала судорожно биться телом о плиты пола башни. Шарль закричал:

– Не трогайте! Я все расскажу! Мне привезли эти бумаги! Я ни одной не брал! Но, я слышал, как граф Робер говорил какому-то человеку, что привезет все эти бумаги к нему в Руан...

– Вот, видишь, как все просто... – усмехнулся Жиль. – Как выглядел этот человек? Опиши его...

Кастелян испуганно озирался на них:

– А, вы не убьете меня и супругу?..

– Нет, мы не убьем вас кинжалами. Мы, вообще, даже пальцем вас не тронем. Оставим здесь и уйдем...

Шарль вздохнул и заговорил:

– Молодой рыцарь. Волосы светлые, длинные. Носит длинные одежды, как норманны. Говорит с небольшим английским говором. Граф звал его, если память не подводит, «месьир Гуго»... Да! Точно! Гуго!..

– Молодец... – похлопал его по щеке Жиль. – Можешь, если захочешь...

– Вы не зарежете нас с женой? Вы же обещали...

Жиль засмеялся, он повернулся к своему спутнику:

– Мы ведь не зарежем их? Мы же обещали?..

– Да, резать их мы не будем... – кивнул в ответ другой.

Шателен радостно обратился к жене:

– Дорогая! Нас не тронут. Успокойся...

Жиль махнул рукой спутнику:

– Пошли, нам пора в лагерь к рыцарям...

Они вышли из комнаты. Шарль и его жена плакали от радости, когда Жиль обернулся и сказал:

– Правильно делаете, что плачете. Чем сильнее будете плакать, тем больше сырости разведете...

Шарль испуганно посмотрел на жену, потом на Жилья.

– Я дал слово, что не зарежу вас. Я свое слово сдержу. Я вас... живьем сожгу...

Жиль вышел из комнаты, закрыл дверь и завалил ее поломанной мебелью, подперев для уверенности копьями. Второй монах взял в руки факел и поджег мебель. Они спустились и прошлись по этажам донжона, поджигая его. Когда они вышли наружу, верхушка донжона запылала и стала похожа на огромный факел, озаряющий своим пламенем тьму ночи...

Два лже-монаха, неспешно и методично, словно это была обыденная работа, подожди все постройки замка и убедившись, что огонь занялся, сели на коней и поехали по направлению к лагерю отряда де Леви.

Жиль обернулся и посмотрел на горящий замок:

– Они не сбегут? Ты крепко закрыл дверь?

– Не сбегут... – ответил второй лже-монах, прищипывая коня...

Годфруа плохо спал, ворочаясь на постели, сделанной из обрубленных еловых лап, только под самое утро, когда стало светло, сон свалил его. Он проснулся ближе к обеду, встал и вышел из палатки. Лагерь был уже свернут, оруженосцы деловито сновали между деревьями, загружая лошадей поклажей. Рыцари сидели неподалеку от палатки де Леви, охраняя двух связанных монахов.

Когда к ним подошел Годфруа, рыцари встали и поздоровались с ним. Де Леви тепло приветствовал воинов:

– Добрый день, друзья! Рад, что вы почти все остались живы...

Рыцари грустно опустили головы. Годфруа тяжело вздохнул, увидев два тела, завернутые в холщовые материи.

– Отвезем их в замок Монкруа и похороним, как героев! Пусть монахи, – де Леви покосился на связанных агентов Сугерия, – только настоящие, а не такие, отслужат панихиды по их душам.

Он подошел к рыцарям, обнял каждого из них, говоря:

– Спасибо, друзья, вам всем спасибо...

Рыцари мялись, не находя слов в ответ. Годфруа подошел к связанным лже-монахам и сказал рыцарям:

– Оставьте меня наедине с ними...

Рыцари ушли. Годфруа развязал их. Они сели, растирая затекшие от веревок руки.

– Да... Не ожидал увидеть такое! Не ожидал, что стану свидетелем и участником такой подлой и мерзкой резни...

Жиль поднял голову и ответил:

– Мессир рыцарь! А чего вы ожидали, согласившись на подобный приказ... Неужели, вы думали, что вам позволят вести войну по-рыцарски! Отпустить врага, чтобы он смог рассказать миру о злодеяниях и вероломстве короля Филиппа и его сына Людовика? Неужели, мессир, вы могли подумать, что мы можем дать повод врагам короны оскалить свои зубы и начать со всех сторон травлю наших повелителей? Кстати, мессир де Леви, они и ваши повелители! Именно им вы и принесли оммаж. Вы, случаем, не забыли, кто произвел вас в рыцари?..

Годфруа покраснел от стыда и гнева. Он замахнулся на Жилья, готовый убить его за эти слова. Но, Годфруа сдержался. Он знал, что эти слова были словами правды.

Жиль, чувствуя, что рыцарь замялся, сказал:

– Зато, мессир Годфруа, мы узнали, куда пропал последний документ...

Годфруа махнул рукой, повернулся и пошел к лошадям:

– Это ваше дело. Мне все равно, куда он пропал...

Жиль догнал его и, схватив за плечо, сказал:

– Он в Руане. Документ у какого-то англичанина по имени Гуго...

– Гуго?!..

– Да, мессир Годфруа. Гуго. Молодой, волосы светлые, родинка на щеке, английский говор...

Годфруа покачал головой.

– Вы знаете, о ком идет речь?.. – держа за рукав, спросил Жиль.

– Да. Я знаю его. – Ответил де Леви. – Этого сеньора зовут Гуго де Биго. Он младший сын великого коннетабля королевства Англии и графа Норфолка...

– А-а-а! Ваш старый знакомый! Это он, если не ошибаюсь, отпустил вас из Новой Роши и сопроводил до корабля?..

Годфруа выхватил кинжал и поднес его к горлу опешившего Жилья:

– Откуда ты, тварь, знаешь о Новой Роше?..

Жиль, спокойно отвел руку с кинжалом и ответил:

– Наша служба, мессир де Леви, знает многое. Не надо смотреть на меня такими глазами! Вы, дав согласие на участие в английской акции, стали одним из нас! Да, мессир рыцарь! Вы – один из нас...

Годфруа молча засунул кинжал в ножны и пошел к коням. Жиль посмотрел ему вслед и сказал:

– Нам надо срочно ехать к монсеньору Сугерию! Он в Париже, где ждет нас всех. Вы едете?..

– Да!!! – громко ответил ему де Леви, проклиная себя и весь мир, который родил его и толкнул в бездну кошмара, убийств и предательств.

XIII ГЛАВА.

Точки расставлены.

Париж. Королевский дворец. 18 сентября 1100 года.

Отправив отряд в замок Монкруа, чтобы отдохнуть и похоронить своих товарищей, Годфруа вместе с оруженосцем Анри-Лотарингцем двумя лже-монахами поехал в Париж. Они

ехали молча, даже не посмотрев ни разу, друг на друга. Монахи отстали немного от Годфруа и его оруженосца. Они весело переговаривались между собой, совершенно позабыв об ужасах и кровавых кошмарах недавней ночи. Группа въехала в Париж, быстро проскакала узкие улочки пригорода и въехала через Малый мост на остров Сите, держа путь к королевскому дворцу. Стража везде пропускала их, едва монахи показывали ей значки с изображением лилий.

Стуча копытами по каменным булыжникам внутреннего двора королевского дворца, они были встречены рыцарями личной охраны Филиппа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.